ПРАВО

№ 11. 1912 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ПРАВО“.

С.-Петербургъ, Владимірскій проспектъ, д. № 19. Телефонъ 41—61.

Комиссіонеръ Государственной типографіи.

Вышло изъ печати и поступило на складъ новое изданіе

Б. Н. КНИПОВИЧЪ.

Къ вопросу о дифференціаціи русскаго крестьянства.

Дифференціація въ сферѣ земледѣльческаго хозяйства. СПБ., 1912 г. Цѣна 80 к.

- **Быкова, А.** Смутное время на Руси. 1912 г. Ц. 50 к.
- **Водовозова, Е.** На зарѣ жизни. Воспоминанія. 1911 г. Ц. 2 р.
- **Выставкинъ, В.** Къ вопросу о правахъ города на земли, находящ. въ его чертѣ. 1912 г. Ц. 30 к.
- **Грузенбергъ, С. О.** Артуръ Шопенгауэръ. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.
- **Гурьяновъ, П.** Адвокатъ. Руков. для подгот. къ экзамену на зв. частн. повѣр. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.
  „ Правила и прогр. на получ. званія частн. повѣр. 1912 г. Ц. 25 к.
- **Дриль, Д.** Ученіе о преступности и мѣрахъ борьбы съ нею. Съ прил. статей М. Слабожанина, А. Ѳ. Кони, М. Ковалевскаго и В. М. Бехтерева. 1912 г. Ц. 4 р.
- **„Запросы Жизни“.** № 11. Ц. 15 к.

КАМИНКА, А. Очерки торговаго права. Вып. I. Изд. 2-ое, испр. и дополн. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

- **Кауфманъ, Г.** Теорія потребительной коопераціи. 1912 г. Ц. 50 к.
- **Клинчинъ, Ф.** Общественныя работы, какъ мѣра борьбы съ послѣдствіями неурожая. Ц. 40 к.
- **Максимовъ, В.** Программа испытаній на должность нотаріуса. 1912 г. Ц. 30 к.
- — Алфав. указатель совершеннолѣтнихъ лицъ и товариществъ, ограниченныхъ въ правоспособности, со включеніемъ свѣдѣній о прекращеніи неправоспособности съ 1866 по 1 янв. 1912 года. Ц. 6 р. 75 к.
- **Образцы экзаменовъ.** Практ. руков. для подготовки къ разнымъ экзаменамъ. 1912 г. Ц. 1 р.
- **Познышевъ, С.** Основныя начала науки угол. права. Общая часть уголовн. права. 1912 г. Ц. 4 р.
- **Программа** испытанія на должность земск. начальника. Изд. Земск. отд. М. В. Д. 1912 г. Ц. 25 к.
- **ПОЛНЫЙ СВОДЪ РѢШЕНІЙ ГРАЖДАНСКАГО кас. д-та Пр. Сената (1866—1910 г.г.).** Полутомы **65—68.** (Вышли до сихъ поръ полутомы 1—28, 55—68, всего будетъ около 75). Изданіе **2-ое,** съ алф. предм. и постат. указателями. Цѣна **90** р. Продолжается подписка: при подпискѣ 5 р., каждый полутомъ по 1 р. 15 к., пересылка за счетъ заказчиковъ. Допускается разсрочка (условія высылаются по требованію).
- **Рѣшенія Гражд. Кас. Д-та** за 1907—1910 г. съ предметн., алфав. и постат. указателями 1912 г. Ц. 12 р.
- **Роосъ, Д.** Съ Наполеономъ въ Россію. 1912 г. Ц. 90 к.
- **Руа, І.** Французы въ Россіи. 1912 г. Ц. 90 к.
- **„Русская Мысль“.** Мартъ. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.
- **Сводъ уставовъ о службѣ гражданской** (т. III Св. Зак. кн. 1—4). 1912 г. Ц. 1 р. 25 к. въ пер.
- **„Современный Міръ“.** Мартъ. 1912 г. Ц. 85 к.
- **Спекторскій, Е.** Бѣлинскій и западничество. 1912 г. Ц. 20 к.
- **Тураевъ, Б.** Исторія древняго Востока. Часть II. 1912 г. Ц. 2 р. 75 к.
- **Шницлеръ, І.** Растопчинъ и Кутузовъ. 1912 г. Ц. 90 к.
- **Экзамены.** Списокъ разныхъ экзаменовъ, правила программы и пр. Изд. 2-ое, 1912 г. Ц. 75 к.

- **Bericht über die dritte Generalversammlung** des Mitteleuropäischen Wirtschaftsvereins in Deutschland. L. 1911. Ц. 2 р.
- **Iacobi, E.** Die Ausbildung der Iuristen. B. 1912. Ц. 75 к.
- **Sommeregger, F.** Die Wege und Ziele der österreichischen Agrarpolitik seit der Grundentlastung. W. 1912. Ц. 60 к.
- **Wolf. I.** Die Steuern in Deutschland. B. 1912. Ц. 50 к.

☞ Съ 15 апрѣля с. г. Юрид. книжн. складъ „ПРАВО“ переводится на Литейный пр., 28.

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1912 г. **№ 11.** **Воскресенье 18 Марта.**

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: профессора *В. М. Гессена, І. В. Гессена,* профессоровъ *А. А. Жижиленко* и *А. И. Каминка, В. Д. Набокова,* профессоровъ бар. *Б. Э. Нольде, М. Я. Пергамента* и *Л. І. Петражицкаго.*

СОДЕРЖАНІЕ: 1) О каторгѣ. Очевидецъ. 2) Доступность законодательныхъ матеріаловъ. В. Станкевичъ. 3) Очерки французской юриспруденціи. Алекс. Груберъ. 4) Въ добрый часъ! Г. Штильманъ. 5) Дѣйствія правительства: Собр. узак. и расп. правит. 6) Судебные отчеты: Правит. сенатъ: а) засѣд. угол. касс. департ. 28 февраля; б) засѣд. гражд. кассац. департ. 29 февраля. 7) Хроника. 8) Библіографія: І. М. Гольдштейнъ. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. А. Каминка. 9) С.-Петербургское юридическое общество. 10) Судебная и судебно-административная практика: Судебный деп. прав. сената. 11) Справочный отдѣлъ. 12) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой **7** руб., на полгода **4** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ **4** р. и къ первому мая **3** рубля. За границу на годъ—**10** руб. Отдѣльные номера продаются по **20** коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній—**50** к., въ остальныхъ случаяхъ—**20** к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

О каторгѣ.

За послѣднее время русскія тюрьмы привлекаютъ къ себѣ вниманіе широкихъ слоевъ общества не только у насъ въ Россіи, но и за границей. Не такъ давно всѣ органы печати, безъ различія направленій, печатали потрясающія извѣстія съ амурской желѣзной дороги. Не такъ давно всѣ газеты обошло оригинальное «представленіе», сдѣланное русскому правительству европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ относительно содержанія въ тюрьмахъ политическихъ преступниковъ.

Но обыкновенно вниманіе публики привлекается лишь исключительными, изъ ряда вонъ выходящими событіями тюремной жизни, лишь такими проявленіями произвола и жестокости, которыя слишкомъ рѣзко бьютъ по нервамъ.

Гораздо меньше интересуются у насъ существующей въ Россіи общей системой наказанія, общей постановкой тюремъ различнаго типа. По этому вопросу имѣются лишь широковѣщательныя заявленія оффиціальнаго характера и довольно убогая критика этихъ заявленій. Вопросъ же о самой тюремной системѣ остается въ тѣни.

Авторъ настоящей статьи, юристъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ каторгѣ и стремится на слѣдующихъ страницахъ передать нѣкоторыя изъ своихъ юридическихъ наблюденій, сдѣланныхъ на каторгѣ.

Согласно съ этой своей задачей, я совершенно не буду касаться вопіющихъ фактовъ, которые имѣютъ мѣсто въ тюремныхъ застѣнкахъ,—вообще не буду касаться вопроса о тюремныхъ жестокостяхъ и звѣрствахъ. Оставляю я въ сторонѣ и широкій вопросъ о томъ, нужны ли вообще тюрьмы, и вредъ или пользу приносятъ онѣ обществу. Оставляю я въ сторонѣ и спеціально русскій вопросъ о томъ, кого, за что и по приговору какихъ «судовъ» держатъ у насъ въ тюрьмахъ.

I.

По «уложенію о наказаніяхъ» наиболѣе распространенной мѣрой уголовнаго наказанія является «лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжныя работы». Эта мѣра наказанія назначается за множество самыхъ

разнообразныхъ преступленій, тогда какъ другіе два вида уголовнаго наказанія (смертная казнь и поселеніе) примѣняются лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Новое «уголовное уложеніе» уничтожило названіе «каторжныя работы», но не измѣнило существа этой мѣры наказанія: высшей мѣрой уголовнаго наказанія по новому кодексу является «каторга», связанная съ выполненіемъ «принудительныхъ тяжкихъ работъ». Я говорю, что каторга является высшей мѣрой наказанія по новому кодексу, такъ какъ смертная казнь не входитъ у насъ въ систему общихъ уголовныхъ наказаній. По духу и по буквѣ нашихъ уголовныхъ законовъ, смертная казнь является мѣрой исключительной и назначается лишь за исключительно тяжкія политическія преступленія.

Но, какъ извѣстно, жизнь жестоко посмѣялась надъ всѣми россійскими уголовными законами и, въ особенности, надъ новымъ кодексомъ. По закону, каторжныя работы должны быть нормальной мѣрой наивысшаго наказанія, а смертная казнь должна примѣняться, только какъ исключеніе. Въ дѣйствительности же получилось обратное соотношеніе.

За послѣдніе годы смертная казнь, которой по «ул. о нак.» и по «угол. ул.» удостаиваются лишь самые опасные государственные преступники, примѣнялась безъ счету и мѣры къ обыкновеннымъ грабителямъ, убійцамъ и поджигателямъ. Газеты разсматривали, по привычкѣ, лицъ, приговоренныхъ къ висѣлицѣ, какъ жертвъ реакціи. Но въ 1909—1910 г.г. въ тюремныхъ секреткахъ среди ожидающихъ висѣлицы смертниковъ политическіе преступники, революціонеры составляли лишь незначительное меньшинство; они тонули среди людей, никогда не имѣвшихъ ничего общаго съ революціей.

Смертная казнь стала у насъ бытовымъ явленіемъ, прочно вошла въ повседневный обиходъ уголовнаго правосудія. Изъ исключенія смертная казнь превратилась въ общее правило, въ нормальную мѣру наказанія.

Прямо противоположную шутку сыграла жизнь съ каторжными работами, которыя, какъ я отмѣтилъ, по россійскимъ уголовнымъ законамъ, должны были бы быть нормальной высшей мѣрой наказанія.

Сотни тысячъ людей судились въ Россіи по старому «ул. о нак.» и были приговорены къ ссылкѣ въ «каторжныя работы». Десятки тысячъ судились по новому «уг. ул.» и получили «каторгу» съ принудительными тяжкими работами. Десятки тысячъ числятся отбывающими этотъ видъ наказанія...

А между тѣмъ, какъ это ни странно, каторжныхъ работъ въ странѣ въ настоящее время почти не существуетъ. Если не считать обширныхъ работъ каторжанъ на постройкѣ амурской желѣзной дороги, то окажется, что въ однѣхъ каторжныхъ тюрьмахъ принудительныя работы, существовавшія раньше, теперь разстроились, въ другихъ тюрьмахъ работы числятся лишь на бумагѣ, въ третьихъ только теперь приступлено къ организаціи мастерскихъ... Въ общемъ и цѣломъ, каторжане выполняютъ въ россійскихъ и сибирскихъ тюрьмахъ общія обязательныя работы не въ видѣ общаго правила, а въ видѣ исключенія.

Приговоренные къ каторжнымъ работамъ частью отбываютъ свое наказаніе въ безчисленныхъ россійскихъ губернскихъ тюрьмахъ, частью въ старыхъ каторжныхъ тюрьмахъ въ Сибири, частью въ новыхъ централахъ въ Орлѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Николаевѣ, Вологдѣ и др. городахъ. Каторжане образуютъ особую группу въ средѣ тюремнаго населенія. Ихъ держатъ въ цѣпяхъ. Къ нимъ съ наибольшей суровостью примѣняютъ безчисленные циркуляры главнаго тюремнаго управленія о книгахъ, о перепискѣ и свиданіяхъ, о прогулкѣ и пищѣ, о бѣльѣ и одеждѣ и т. д. и т. д. Наконецъ, каторжане подвергаются, по мѣрѣ усердія ближайшаго начальства, наказанію розгами... Всѣмъ этимъ каторжане отличаются отъ остальныхъ заключенныхъ. Но каторжныя работы, въ которыя осуждены всѣ эти люди, до сихъ поръ не организованы. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что организовать работы для людей многимъ труднѣе, чѣмъ заковать этихъ людей въ цѣпи, окружить ихъ паутиной циркуляровъ и велѣть сѣчь ихъ розгами...

Можетъ быть, впрочемъ, главное тюремное управленіе не организовало до сихъ поръ работъ для каторжанъ, такъ какъ оно слишкомъ завалено спѣшной работой сочиненія новыхъ и новыхъ циркуляровъ. Но получился любопытный курьезъ: каторжане подвергаются у насъ всевозможнымъ ограниченіямъ, лишеніямъ и наказаніямъ, за исключеніемъ только того основного наказанія работой, къ которому они приговорены судомъ.

Читателя, быть можетъ, удивитъ, что я останавливаюсь съ такимъ вниманіемъ на этомъ положеніи. Казалось бы, тутъ не на что жаловаться. Если главное тюремное управленіе не удосужилось до сихъ поръ устроить работы для каторжанъ,—тѣмъ лучше для каторжанъ!..

Такъ кажется со стороны, издали. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе. Въ общемъ и цѣломъ, каторга безъ работъ не лучше, а несравненно тяжелѣе для осужденныхъ, несравненно мучительнѣе и убійственнѣе, чѣмъ тѣ каторжныя работы, къ которымъ приговорилъ ихъ судъ.

Это можетъ показаться маловѣроятнымъ для людей незнакомыхъ съ тюремной жизнью. Но таковъ выводъ изъ непосредственныхъ наблюденій въ тюрьмѣ.

Впрочемъ, это только общее правило и изъ него возможны многочисленныя исключенія. Въ нѣкоторыхъ (правда, весьма немногихъ) тюрьмахъ условія содержанія каторжанъ настолько

сносны, что принужденіе исполнять работы, особенно тяжелыя работы—чувствительно ухудшило бы положеніе заключенныхъ. Съ другой стороны, работы вѣдь могутъ быть различныя: ниже мнѣ придется коснуться одного примѣра, какъ тюремная администрація организовала для каторжанъ такія «работы», которыя являются пыткой, издѣвательствомъ надъ людьми, медленнымъ убійствомъ, чѣмъ угодно, но только не работами.

Такія положенія, какъ исключеніе, конечно, возможны. Но въ общемъ, въ тюрьмахъ съ налаженными мастерскими каторжанамъ живется гораздо лучше, чѣмъ въ тюрьмахъ безъ работъ; въ каждой тюрьмѣ рабочія камеры живутъ лучше, чѣмъ нерабочія; почти каждый каторжанинъ мечтаетъ о томъ, чтобы перевестись на каторжныя работы по постройкѣ Амурской или Забайкальской жел. дор., о томъ, чтобы попасть въ такъ называемыя «рабочія команды», о томъ, чтобы перейти хотя бы въ тюремныя мастерскія...

Въ этомъ предпочтеніи каторжныхъ работъ каторгѣ безработной нѣтъ ничего страннаго. И прилежаніе и любовь къ труду здѣсь не при чемъ.

Чтоб.. понять это, достаточно быть знакомымъ съ нашей каторгой. И для этого, чтобы пояснить дѣло читателямъ, съ каторгой незнакомымъ, я приведу только два примѣра.

Вотъ вамъ пермская каторга. Никакихъ обязательныхъ работъ для каторжанъ нѣтъ. Но день-изо-дня, долгіе годы сидятъ здѣсь люди, запертые въ темныхъ и сырыхъ камерахъ, переполненныхъ въ 3 раза выше нормы. Окна камеръ круглый годъ, лѣтомъ, какъ и зимою, задѣланы двойными рамами, и даже форточки оконъ открываются лишь по командѣ, на самое непродолжительное время. Книги и письменныя принадлежности къ заключеннымъ почти не пропускаются. Прогулокъ арестантамъ не полагается—за неимѣніемъ приспособленнаго для прогулокъ двора. Только два раза въ годъ, на Рождество и на Пасху, выпускаютъ каторжанъ изъ камеръ. Выстраиваютъ ихъ парами, заставляютъ обойти три круга по двору, и затѣмъ снова загоняютъ въ камеры. Разъ въ 6 мѣсяцевъ въ теченіе 5 минутъ дышатъ каторжане свѣжимъ воздухомъ и видятъ клочокъ синяго неба надъ головами... Все остальное время они какъ бы замурованы въ вонючихъ каменныхъ мѣшкахъ. Здѣсь валяются они цѣлыми днями въ грязи, дышатъ спертымъ вонючимъ воздухомъ и ничего не дѣлаютъ.

Поставьте себя въ положеніе пермскаго каторжанина и вамъ ясно будетъ, что возможна такая каторга, при которой человѣкъ, какъ о снѣ золотомъ, будетъ мечтать о каторжныхъ работахъ, хотя бы о тѣхъ работахъ, которыя описалъ Достоевскій въ своемъ «Мертвомъ Домѣ!»

А вѣдь пермская каторга ничѣмъ особеннымъ себя не прославила. О ней, кажется, ни разу не писали въ газетахъ. Тамъ вѣдь не истязаютъ и не убиваютъ заключенныхъ.

Сопоставьте эту каторгу съ текстомъ 16 ст. «уг. ул.»: «Приговоренные... подвергаются принудительнымъ тяжкимъ работамъ, какъ въ помѣщеніяхъ тюремъ, такъ и внѣ оныхъ».

Въ Перми нѣтъ этихъ принудительныхъ тяжкихъ работъ. Но какой изъ пермскихъ каторжанъ не согласился бы съ радостью выполнять какія угодно работы, лишь бы выйти изъ камеры? И какія работы внѣ тюремнаго зданія, т. е. на открытомъ воздухѣ, могутъ быть хуже непрерывнаго гніенія въ описанной обстановкѣ пермской каторги?

Или вотъ вамъ другой примѣръ—екатеринославская каторга.

Каторжане содержатся здѣсь въ губернской тюрьмѣ, часто въ перемежку съ подслѣдственными. Эта губернская тюрьма за послѣдніе годы пережила столько ужасныхъ сценъ, какъ немногія тюрьмы въ Россіи. Это тюрьма-могила. Почти половина населенія тюрьмы—смертники бывшіе (т. е. приговоренные къ казни и получившіе замѣну) или будущіе (ожидающіе смертнаго приговора на предстоящемъ судѣ). Въ тюрьмѣ не прекращаются казни, убійства, эпидеміи, избіенія. И стѣны тюрьмы и воздухъ какъ бы пропитаны кровью. Работъ каторжане, содержащіеся въ этой тюрьмѣ, не выполняютъ никакихъ. Казалось бы, тѣмъ лучше для нихъ? Но вотъ весной 1910 г. эта тюрьма получила заказъ на плотничныя работы для городской думы. Работы производились на тюремномъ дворѣ, противъ оконъ тюремныхъ камеръ, частью подъ легкимъ навѣсомъ, частью подъ открытымъ небомъ. Сперва на работы было поставлено около 20 чел., затѣмъ число рабочихъ дошло до 50. Больше тысячи человѣкъ сидѣло въ то время въ тюрьмѣ. Изъ нихъ 50 чел. плотничали, столько же, приблизительно, было занято на кухнѣ, въ прачешной, въ сапожной, швальнѣ, кузницѣ и на хозяйственныхъ работахъ. Остальные цѣлыми днями ничего не дѣлали. И трудно представить себѣ, съ какой завистью смотрѣли запертые въ камерахъ каторжане на своихъ товарищей, которые съ утра до вечера тесали бревна, строгали и пилили доски на дворѣ противъ тюремнаго корпуса! Здѣсь работали по 12 ч. въ сутки, работали подъ строгимъ надзоромъ часовыхъ, работали безъ всякаго вознагражденія и при отвратительныхъ условіяхъ питанія. И все же работавшіе считались счастливцами по сравненію съ остальнымъ населеніемъ тюрьмы. И все же, несмотря на то, что отъ работы ныли всѣ кости и руки покрывались кровавыми мозолями, все же работавшіе радовались своей работѣ, какъ счастью, какъ спасенію!

На работы не просились здѣсь только тѣ каторжане, которые заранѣе знали, что ихъ просьба не будетъ исполнена. И на-ряду съ людьми, привыкшими къ грубому физическому

труду, здѣсь добивались счастья выйти на дворъ плотничать и каторжане-интеллигенты, не державшіе на волѣ въ рукахъ другого инструмента, кромѣ пера.

Между тѣмъ, работы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, несомнѣнно, должны быть отнесены къ разряду «тяжкихъ», т. е. требующихъ значительной затраты физическихъ силъ.

Этихъ двухъ примѣровъ, я думаю, достаточно, чтобы видѣть, что каторжане, не выполняющіе тѣхъ работъ, какимъ должны они подвергаться по 16 ст. «уг. ул.», ни въ коемъ случаѣ не находятся въ какомъ - то привилегированномъ положеніи.

О работахъ внѣ тюрьмы, предусмотрѣнныхъ 16 ст. «уг. ул.», и говорить нечего. Даже въ наиболѣе человѣчной изъ всѣхъ тюремъ, въ которыхъ мнѣ пришлось побывать, заключенные каторжане ни о чемъ такъ не мечтали, какъ о выходѣ на внѣтюремныя работы. И на внѣтюремныя работы стремились они не ради побѣга и не ради противозаконныхъ сношеній съ волей, но исключительно для того, чтобы не сидѣть вѣчно въ запертой камерѣ, чтобы дышать чистымъ воздухомъ и спастись такимъ образомъ отъ того физическаго разрушенія, которое неизбѣжно приноситъ отравленный воздухъ тюрьмы.

Пусть же не кажется парадоксомъ или натяжкой мое утвержденіе: отсутствіе работъ для каторжанъ въ нашихъ тюрьмахъ, въ общемъ и цѣломъ, не только не является облегченіемъ ихъ положенія, но, напротивъ того, значительно отягчаетъ наказаніе, назначенное имъ по суду.

Это мое утвержденіе противорѣчитъ ходячему представленію о человѣкѣ, вообще, и о каторжанинѣ, въ частности, какъ о лѣнивомъ животномъ. И, по всей вѣроятности, юристы тюремнаго вѣдомства съ моимъ утвержденіемъ не согласятся. Хотя и у нихъ возможны сомнѣнія и колебанія на этотъ счетъ: если бы они были увѣрены, что отсутствіе работъ является для каторжанъ поблажкой, они, вѣроятно, проявили бы больше энергіи въ дѣлѣ организаціи работъ для приговоренныхъ къ каторгѣ.

Но даже если всѣ юристы тюремнаго вѣдомства будутъ свидѣтельствовать противъ моего утвержденія, въ пользу его, я не сомнѣваюсь, будутъ свидѣтельства всѣхъ тѣхъ людей, которымъ пришлось испытать на себѣ каторжныя работы и каторгу безъ работъ. И, можетъ быть, передъ лицомъ науки свидѣтельство наше будетъ имѣть не меньшій вѣсъ, чѣмъ свидѣтельство юристовъ-тюремщиковъ.

Я останавливаюсь такъ долго на этомъ вопросѣ, такъ какъ онъ имѣетъ огромное юридическое значеніе.

По 23 ст. «уг. ул.» 1903 г., лица, приговоренныя къ срочной каторгѣ, въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія, могутъ быть выпущены изъ тюрьмы на поселеніе, послѣ того, какъ отбудутъ въ тюрьмѣ $^2/_3$ назначеннаго имъ по суду срока наказанія. Эта статья находится въ общей части «уг. ул.» и потому уже давнымъ-давно введена въ дѣйствіе. Она, какъ бы, подразумѣвается во всѣхъ каторжныхъ приговорахъ, вынесенныхъ судами послѣ изданія «уг. ул.». Что же касается, въ частности, до политическихъ каторжанъ, которыхъ только по «уг. ул.», и судили, то въ ихъ приговорахъ неизмѣнно прямо указывается: приговоренъ къ каторгѣ на такой-то срокъ, съ примѣненіемъ 23 ст.

Разберемъ значеніе ссылки на эту статью въ судебномъ приговорѣ.

Положимъ, судъ приговорилъ нѣкоего NN къ 6 годамъ каторги за принадлежность къ с.-д. партіи, причемъ отмѣтилъ въ приговорѣ примѣненіе къ осужденному цѣлаго ряда статей,—въ томъ числѣ и 23 ст. «уг. ул.». Это значитъ, что судьи признали, что NN за совершенное имъ преступленіе долженъ отбывать каторгу (съ принудительными работами) въ теченіе 6-ти л., а въ случаѣ одобрительнаго его поведенія,—въ теченіе 4-хъ л., послѣ чего онъ долженъ быть освобожденъ съ каторги и отправленъ въ ссылку на поселеніе.

Такова выраженная въ приговорѣ воля суда. И если поведеніе NN на каторгѣ удовлетворяетъ установленнымъ требованіямъ, то на основаніи судебнаго приговора его могутъ держать на каторгѣ въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, не больше. Каждый лишній день сверхъ 4-хъ лѣтъ будетъ наказаніемъ человѣка безъ суда или даже вопреки волѣ суда, будетъ совершенно незаконнымъ лишеніемъ NN его свободы.

Казалось бы, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ такомъ толкованіи воли суда, вносящаго въ свой приговоръ ссылку на 23 ст. «уг. ул.».

Но это еще не все. 23 ст. занимаетъ въ «уг. ул.» такое мѣсто, что ссылка суда на нее ни въ коемъ случаѣ не является пустой формальностью. Напротивъ того, судъ, выбирающій мѣру наказанія для преступника, обязанъ считаться съ этой статьей.

Въ самомъ дѣлѣ. Эта статья помѣщена въ «уг. ул.» раньше статей, перечисляющихъ наказанія за различныя преступныя дѣянія. Слѣдовательно, законодатель имѣлъ въ виду эту статью, устанавливая высшій и низшій предѣлъ кары за каждое конкретное преступленіе. И если законодатель опредѣляетъ, напр., за принадлежность къ извѣстному сообществу каторгу отъ 4 до 8 лѣтъ, то при этомъ онъ, несомнѣнно, учитываетъ, что при одобрительномъ поведеніи осужденнаго срокъ его наказанія долженъ колебаться между 2 г. 8 мѣс. и 5 л. 4 мѣс. Если судья, примѣняя данную уголовную статью къ преступнику и признавъ его заслуживающимъ средней мѣры наказанія, приговоритъ его къ 6 г. каторги безъ примѣненія 23 ст. «уг. ул.», то окажется, что назначенное имъ преступнику наказаніе выше наивысшей мѣры наказанія,

предусмотрѣнной за данное преступленіе законодателемъ!

Слѣдовательно, 23 ст. «уг. ул.» вводится судами въ приговоръ не случайно. Игнорированье ея было бы грубымъ нарушеніемъ воли законодателя.

И суды, отправляя преступника на каторгу, аккуратно записываютъ въ его приговорѣ: «съ примѣненіемъ 23 ст. уг. ул.». Но, какъ извѣстно, статья эта у насъ къ каторжанамъ нигдѣ не примѣняется. Она не отмѣнена секретнымъ циркуляромъ главнаго тюремнаго управленія, но подверглась «разъясненію» со стороны сената.

Въ настоящее время каторжане пользуются скидкой со срока только по 309 ст. «устава о ссыльныхъ». Насколько эта скидка меньше той, которой должны были бы пользоваться осужденные при примѣненіи 23 ст., ясно видно изъ слѣдующей таблички:

При срокѣ наказанія:	Скидка по 309 ст. „у. о сс.“:	Скидка по 23 ст. „уг. ул.“:
4 г.	6 мѣс.	1 г. 4 м.
6 л.	10 »	2 » —
8 »	1 г. 1 »	2 » 8 м.
10 »	1 » 5 »	3 » 4 »
12 »	1 » 9 »	4 » —
15 »	2 » 2 »	5 л. —

Итакъ, по 309 ст. «уст. о сс.», каторжане получаютъ меньше $^1/_2$ той скидки, которая закрѣплена за каждымъ изъ нихъ судебнымъ приговоромъ съ ссылкой на 23 ст. «уг. ул.». Осужденный на 4 г. каторги, при одобрительномъ поведеніи, долженъ былъ бы выйти на поселеніе черезъ 2 г. 8 мѣс. послѣ вступленія приговора въ законную силу, но его держатъ въ тюрьмѣ 3 г. 6 мѣс., т. е. на 10 мѣсяцевъ дольше срока, назначеннаго ему судомъ. Осужденный на 15 л. каторги долженъ былъ бы выйти черезъ 10 л., но его держатъ 12 л. 10 мѣс., т. е. на 2 г. 10 мѣс. дольше назначеннаго ему срока.

Короче, все дѣло сводится къ тому, что путемъ «разъясненія» 23 ст. «уг. ул.» всѣхъ каторжанъ у насъ держатъ на каторгѣ, приблизительно на $^1/_3$ дольше того срока, на который они приговорены судомъ! И это не считая ни того времени, которое проводитъ каждый преступникъ въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда, ни того времени, которое проводитъ каждый «освободившійся» каторжанинъ въ пересыльныхъ тюрьмахъ въ ожиданіи отправки на поселеніе!

Не знаю, было ли освѣщено въ юридической литературѣ съ достаточной полнотой то изумительное положеніе, которое создалось отмѣной дѣйствія 23 ст. «уг. ул.». Это былъ своего рода манифестъ навыворотъ: манифесты скидываютъ преступникамъ $^1/_3$ наказанія, назначеннаго имъ по суду, а здѣсь каждому каторжанину прибавили $^1/_3$ къ наказанію, назначенному судомъ...

Не знаю я достаточно точно и того, чѣмъ мотивировалось сенатское разъясненіе, отмѣнившее 23 ст. «уг. ул.». Повидимому, оно основывалось на томъ, что существующія каторжныя тюрьмы не соотвѣтствуютъ, молъ, той каторгѣ, къ которой относится 23 ст.: каторжане должны подвергаться принудительнымъ тяжкимъ работамъ, а таковыя работы въ нашихъ тюрьмахъ до сихъ поръ не организованы.

Значитъ, если бы главное тюремное управленіе успѣло къ настоящему времени реорганизовать мѣста заключенія и приспособить ихъ къ требованіямъ новаго уголовнаго кодекса, если бы, въ частности, оно успѣло сорганизовать работы для каторжанъ, то 23 ст. «уг. ул.» не подверглась бы «разъясненію». Слѣдовательно, срокъ заключенія увеличенъ каторжанамъ на $^1/_3$ не за ихъ провинности, а за извѣстныя упущенія и недочеты въ дѣятельности главнаго тюремнаго управленія!

Нелѣпость этой мѣры нѣсколько маскируется только тѣмъ, что безмолвно считаютъ доказаннымъ, будто каторга безъ принудительныхъ работъ является неполной, смягченной каторгой, будто отсутствіе работъ ставитъ осужденныхъ въ болѣе льготныя, болѣе мягкія условія, нежели тѣ, въ которыя намѣревался поставить ихъ судъ, приговаривая ихъ къ каторгѣ. Иными словами: не мытьемъ, такъ катаньемъ. Не сумѣли заставить каторжанъ работать, такъ пусть же сидятъ за это дольше.

Я не буду разбирать здѣсь съ юридической точки зрѣнія, насколько допустимо увеличивать продолжительность наказанія, назначеннаго преступнику судомъ, въ зависимости отъ того, что наказаніе, помимо желанія осужденнаго, оказалось менѣе интенсивно, чѣмъ это предполагалось. Казалось бы, само собой очевидно, что по истеченіи срока назначеннаго судомъ наказанія преступникъ перестаетъ быть объектомъ для какихъ бы то ни было карательныхъ воздѣйствій, и съ него нельзя уже искать недоимокъ по интенсивности перенесеннаго имъ наказанія...

Гораздо важнѣе всѣхъ подобныхъ соображеній то, что въ данномъ случаѣ за уменьшеніе суровости заключенія, за уменьшеніе интенсивности наказанія принимается какъ разъ такая особенность нашей каторги, которая безмѣрно о т я г ч а е т ъ положеніе заключенныхъ! Я уже показалъ, что каторга безъ работъ часто оказывается въ сотни разъ хуже каторги съ принудительными работами. Я уже говорилъ, какъ относятся къ возможности работать въ тюрьмѣ или внѣ тюрьмы каторжане, замурованные въ каменныхъ мѣшкахъ. И вотъ эти-то бытовыя черты современной каторги нужно учесть для того, чтобы оцѣнить по достоинству логику, заставляющую удлинять срокъ наказанія осужденнымъ въ виду «неустроенности» нашихъ мѣстъ заключенія. Какой злой насмѣшкой, какимъ горькимъ издѣвательствомъ надъ людьми звучитъ эта логика въ примѣненіи къ условіямъ пермской или екатеринославской каторги!

Впрочемъ, можно предположить еще, что, от-

казываясь отъ примѣненія къ каторжанамъ 23 ст. «уг. ул.», сенатъ руководствовался соображеніями не о карательномъ, а о воспитательномъ значеніи труда. Вѣдь эта точка зрѣнія теперь въ модѣ среди криминалистовъ.

Возможно примѣрно такое разсужденіе.

Судъ приговорилъ NN къ 6 г. каторги съ примѣненіемъ 23 ст. «уг. ул.». Значитъ, судъ полагалъ, что при благопріятныхъ условіяхъ, выполняя тяжкія принудительныя работы, NN черезъ 4 г. настолько исправится, что его можно будетъ выпустить изъ тюрьмы безъ непосредственной опасности для общества. Но, къ сожалѣнію, не удалось устроить для NN необходимыхъ работъ. Поэтому исправленіе его воли идетъ нѣсколько медленнѣе, чѣмъ предполагали судьи, признавшіе возможнымъ примѣнить къ NN 23 ст. «уг. ул.». Поэтому необходимо продлить время заключенія NN, и освободить его можно, самое раннее, черезъ 5 л. 2 мѣс. послѣ суда.

О воспитательномъ значеніи принудительнаго труда въ тюрьмѣ вообще говорить мы не будемъ, такъ какъ этотъ вопросъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко. О воспитательномъ значеніи тѣхъ работъ, которыя за послѣднее время старается организовать главное тюремное управленіе, чтобы приблизить хоть немного каторжныя тюрьмы къ требованіямъ закона, о воспитательномъ значеніи этихъ работъ мы поговоримъ ниже. Пока остановлюсь на вопросѣ о «воспитательномъ» значеніи каторги безъ работъ.

И въ спеціальной и въ неспеціальной литературѣ сотни разъ уже выяснено, что тюрьма является разсадникомъ порока и высшей школой преступленія. Но самыя пессимистическія разсужденія на эту тему, самыя мрачныя описанія тюрьмы не могутъ передать всей гнусности тюрьмы, какъ учрежденія, воспитывающаго волю преступника.

Насколько мнѣ удалось наблюдать уголовныхъ каторжанъ, бросилось мнѣ въ глаза, что безусловно преобладающій численно элементъ среди каторжанъ составляютъ всевозможные «случайные» преступники изъ крестьянъ: убійцы изъ ревности, убійцы изъ мести, убійцы подъ пьяную руку. Преступленія иныхъ изъ этихъ «случайныхъ» обитателей каторги отвратительны невѣроятно. Но эти преступники, сами по себѣ, ничуть не хуже и не лучше ихъ земляковъ, оставшихся на волѣ и, быть можетъ, выступившихъ на судѣ свидѣтелями противъ нихъ: преобладающая черта ихъ психологіи—полная темнота, граничащая съ дикостью.

Численно «случайные» преступники - крестьяне преобладаютъ на каторгѣ. Но въ общей каторжной камерѣ ихъ какъ-то не видно и не слышно. «Тонъ задаютъ» въ каторжной камерѣ не они, а такъ называемые «иваны» (или «храпы»),—профессіональные преступники - рецидивисты, особенно, «обратники», отбывающіе каторгу уже не въ первый разъ. Они всегда составляютъ въ камерѣ ничтожное меньшинство, но все же идейно руководятъ всей арестантской массой. И «случайные» обитатели каторги невольно пляшутъ подъ ихъ дудку.

Впрочемъ, я не засталъ на каторгѣ настоящаго царства «ивановъ» При мнѣ они вспоминали съ грустью о былыхъ годахъ своего господства... Но все же и теперь еще въ идейномъ отношеніи они несомнѣнно являются руководителями и вождями уголовной каторги. И если «случайные» преступники, составляющіе большинство населенія каторги, подвергаются здѣсь какому-либо воспитательному воздѣйствію, то это—воздѣйствію со стороны «ивановъ»—рецидивистовъ.

Г. Набоковъ, описывая въ «Правѣ» свои наблюденія въ петербургскихъ «Крестахъ», отмѣтилъ, какъ удивился бы тюремный надзиратель, если бы кто-нибудь вздумалъ объяснить ему, что онъ призванъ оказывать моральное воздѣйствіе на арестантовъ, нравственно воспитывать ихъ. Я полагаю, что въ неменьшее изумленіе долженъ былъ бы придти судья, которому мы стали бы доказывать, что, посылая на каторгу крестьянина, пристукнувшаго въ дракѣ подъ пьяную руку своего земляка, онъ отдаетъ этого случайнаго преступника подъ нравственное руководство и опеку опытныхъ наставниковъ-рецидивистовъ.

А между тѣмъ, именно таково воспитательное значеніе каторги съ обязательнымъ общимъ заключеніемъ и съ принудительнымъ бездѣльемъ.

Время человѣка не можетъ быть ничѣмъ не занято. Своего рода horror vacui заставляетъ человѣка придумывать всякія средства, чтобы коротать свободное время. Придумываетъ себѣ занятія и арестантская масса. И чувство ужаса и омерзенія охватитъ каждаго свѣжаго человѣка, когда онъ увидитъ, чѣмъ заполняетъ свои невольные досуги уголовная каторга. Азартъ въ самыхъ безобразныхъ формахъ, онанизмъ, педерастія—вотъ обычный порядокъ дня въ уголовной камерѣ.

Впрочемъ, стоитъ ли говорить объ этомъ? Вѣдь это давнымъ-давно всѣмъ извѣстно. Этого явленія не отрицаютъ и сторонники современной тюремной системы. Этого явленія не отрицаютъ и наши тюремные дѣятели...

Но если признать это явленіе, то во что превратятся соображенія о необходимости удлиненія срока наказанія неработающимъ каторжанамъ?

Получается такая картина, какъ будто учрежденія, наблюдающія за приведеніемъ въ исполненіе назначенныхъ судомъ наказаній, говорятъ преступнику:

«Трудъ исправилъ бы тебя. И если бы въ тюрьмѣ, въ которую мы тебя заперли, были устроены уже принудительныя тяжкія работы, то тебя можно было бы выпустить на волю послѣ отбытія $^2/_3$ срока, назначеннаго тебѣ судомъ,—скажемъ, черезъ 4 г. Къ этому времени

ты исправился бы настолько, что перестал бы представлять опасность для общества. Но, къ сожалѣнію, принудительныя работы въ тюрьмахъ еще не налажены. Вмѣсто того, чтобы трудиться, ты цѣлыми днями ничего не дѣлаешь. Вмѣсто того, чтобы исправляться, ты съ каждымъ днемъ опускаешься въ нравственномъ отношеніи все ниже и ниже. Поэтому придется продержать тебя въ каторгѣ лишній годъ. Только через 5 л. 2 мѣс. послѣ вступленія приговора въ законную силу ты созрѣешь въ достаточной степени для вольной жизни».

Надѣюсь, что нѣтъ безусловной необходимости собственными глазами видѣть каторгу, чтобы убѣдиться въ чудовищности подобной постановки вопроса.

Очевидецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Доступность законодательныхъ матеріаловъ.

Всякій законъ, проходя черезъ многочисленныя стадіи разработки и обсужденія, оставляетъ за собой болѣе или менѣе обширные и объемистые матеріалы. Въ настоящее время наши законы, создаваемые въ нормальномъ порядкѣ, по инціативѣ правительства и съ одобренія законодательныхъ учрежденій, оставляютъ такіе слѣды: проектъ и объяснительная записка подлежащаго министра, докладъ думской комиссіи, стенографическій отчетъ объ обсужденіи законопроекта въ государственной думѣ, докладъ совѣтской комиссіи и, наконецъ, стенографическій отчетъ о соотвѣтствующемъ засѣданіи государственнаго совѣта. Обычно наиболѣе важенъ проектъ правительственный съ его объяснительной запиской: доклады думской и совѣтской комиссій (послѣдній составляется, впрочемъ, далеко не всегда) лишь резюмируютъ соображенія правительственнаго проекта и подробнѣе останавливаются на разногласіяхъ; въ общемъ же собраніи государственной думы и государственнаго совѣта законопроекты очень часто вовсе не обсуждаются и голосуются даже не оглашаясь. Но иногда, конечно, относительное значеніе этихъ матеріаловъ мѣняется, и доклады комиссій, или стенографическіе отчеты пріобрѣтаютъ незамѣнимую цѣнность для сужденія о мотивахъ и смыслѣ того или иного закона.

Въ общемъ же безусловная важность всѣхъ этихъ матеріаловъ ясна безъ словъ. И вопросъ объ ихъ доступности имѣетъ громаднѣйшее значеніе какъ для спеціалистовъ-теоретиковъ, такъ и для практиковъ, а, быть можетъ, и для всякаго гражданина.

Самая широкая доступность этихъ матеріаловъ создается, очевидно, поступленіемъ ихъ въ продажу. Но она придана только тремъ изъ вышеуказанныхъ категорій: докладамъ комиссій государственной думы (приложенія къ стенографическимъ отчетамъ) и стенографическимъ отчетамъ государственнаго совѣта и государственной думы. Поэтому относительно нихъ можно, пожалуй, высказать только пожеланіе о своевременномъ поступленіи въ продажу, о пониженіи цѣны (и такъ, впрочемъ, очень не высокой), да о томъ, чтобы завѣдующіе нашими книгохранилищами прониклись сознаніемъ важности этихъ матеріаловъ и своевременно занялись ихъ комплектованіемъ.

Въ совершенно иномъ положеніи стоитъ вопросъ о доступности проектовъ и объяснительныхъ записокъ правительства и докладовъ комиссій государственнаго совѣта. Въ продажу не поступаютъ ни тѣ, ни другіе. И, что еще хуже, они не поступаютъ даже въ такія библіотеки, какъ публичная, академическая... Поэтому ихъ получить могутъ только лица, такъ или иначе соприкасающіяся съ министерскими канцеляріями и законодательными учрежденіями или имѣющія возможность обращаться къ любезности членовъ государственной думы или государственнаго совѣта. Рядовому же обывателю доступъ къ этимъ матеріаламъ абсолютно закрытъ.

Ненормальность такого положенія не можетъ оспариваться. Очевидные, несомнѣнные и многообразные общественные интересы не только говорятъ за доступность, но даже требуютъ ея.

Въ самомъ дѣлѣ, прослѣдимъ жизнь закона съ момента его зарожденія до самой его смерти и мы увидимъ, что доступность всѣхъ относящихся къ нему законодательныхъ матеріаловъ является совершенно неизбѣжной необходимостью.

1. Законопроектъ вносится подлежащимъ министромъ въ государственную думу. Но государственная дума—народное представительство. И это должно проявляться не только въ томъ, что составъ ея избранъ населеніемъ. Она должна быть во всѣхъ своихъ работахъ выразительницей общественныхъ желаній. Между выступленіями, рѣшеніями, голосованіями ея депутатовъ и общественнымъ мнѣніемъ должна установиться извѣстная гармонія, солидарность, общность. Всякій вопросъ долженъ разрѣшаться ими подъ живымъ, непосредственнымъ и дѣйственнымъ надзоромъ населенія, съ помощью его совѣтовъ, указаній. Съ созданіемъ представительныхъ учрежденій общество получило право принимать участіе въ законодательной работѣ. И поэтому, прежде всего, оно должно имѣть возможность быть точно информированнымъ о положеніи этихъ работъ. Но что можетъ сдѣлать общество, печать и заинтересованные круги населенія, если они не имѣютъ легальной возможности узнать точно, въ чемъ именно состоитъ та или иная предположенная правительствомъ законодательная мѣра? Правда, въ періодической печати обычно отмѣчаются всѣ важнѣйшіе законо-

проекты. Но въ большинствѣ случаевъ они излагаются очень кратко, неполно, часто не точно. Вѣдь газеты, посвящая много мѣста общимъ собраніямъ законодательныхъ учрежденій, иногда слишкомъ мало заботятся о томъ, чтобы дать читателю ясно понять, въ чемъ сущность обсуждаемаго вопроса. Притомъ и мелкіе законопроекты, та пресловутая вермишель, надъ которой такъ смѣются и которая даже не регистрируется прессой,—и она часто имѣетъ громадное значеніе для того или иного круга лицъ, для опредѣленной профессіи, для извѣстной мѣстности... Заинтересованныя лица высказали бы свое отношеніе, внесли бы свой живой житейскій опытъ, если бы только получили возможность имѣть точныя свѣдѣнія о существѣ предположенной законодательной мѣры. И изъ исторіи западныхъ сосѣдей мы можемъ вспомнить не мало случаевъ, когда общественное мнѣніе, высказанное по поводу законодательнаго предположенія правительства, рѣшало его судьбу въ законодательномъ учрежденіи.

И это, конечно, совершенно нормальное явленіе. Съ нимъ нельзя бороться. Ему не должно препятствовать. Наоборотъ—слѣдуетъ поощрять и содѣйствовать ему. Ибо въ привлеченіи вниманія общества къ законодательной работѣ прямой интересъ не только общества, но и самихъ законодательныхъ учрежденій. Вѣдь сами они часто не могутъ съ достаточной полнотой разобраться въ иныхъ вопросахъ, имѣющихъ спеціальное или мѣстное значеніе. Помощь лицъ заинтересованныхъ и компетентныхъ бываетъ часто совершенно необходимой, такъ что ея приходится искать. И тѣмъ болѣе уже недопустимо препятствовать проявленію интереса общества къ законодательнымъ дѣламъ путемъ сокрытія отъ него необходимыхъ матеріаловъ. И странно смотрѣть, какъ въ настоящее время, при нашей думѣ, такъ бѣдной спеціалистами, внѣдумскіе спеціалисты изнываютъ отъ недоступности матеріаловъ по интересующимъ ихъ вопросамъ и лишены или стѣснены въ возможности дать свои вѣскія указанія и совѣты по поводу предположенныхъ законодательныхъ мѣръ.

2. За внесеніемъ законопроекта слѣдуетъ его обсужденіе въ законодательныхъ учрежденіяхъ. И здѣсь требованію доступности законодательныхъ матеріаловъ мы находимъ поддержку даже въ точномъ смыслѣ закона.

Въ самомъ дѣлѣ, учрежденія государственной думы и государственнаго совѣта устанавливаютъ общимъ правиломъ публичность и гласность всего происходящаго на общихъ собраніяхъ. Этимъ устанавливается право всякаго знать, что въ законодательномъ учрежденіи высказано по поводу опредѣленнаго вопроса и какъ этотъ вопросъ рѣшенъ. Но для того, чтобы знать, какъ рѣшались эти вопросы и что о нихъ сказано, надо, прежде всего, знать, въ чемъ они состоятъ. И въ правѣ слышать и читать все, о чемъ говорится въ государственной думѣ и государственномъ совѣтѣ само собой подразумѣвается право доступа къ тѣмъ матеріаламъ, въ которыхъ изложенъ предметъ обсужденія. Одни стенографическіе отчеты, конечно, не могутъ дать понятія о дѣятельности законодательныхъ учрежденій. Вѣдь многіе законопроекты вовсе не обсуждаются въ общихъ собраніяхъ думы и совѣта. Въ думѣ они проходятъ въ порядкѣ спѣшности, иногда даже безъ докладчика, при чемъ оглашается только названіе законопроекта. Да и докладчики, зачастую, только повторяютъ названіе... Вотъ для иллюстраціи отрывокъ изъ стенографическихъ отчетовъ думы:

> «Предсѣдательствующій... п. 27 повѣстки: докладъ бюджетной комиссіи по законопроекту, внесенному министромъ торговли и промышленности объ увеличеніи кредита, отпускаемаго на канцелярскіе и хозяйственные расходы пробирныхъ установленій. Докладчикъ Годневъ.
>
> Годневъ (докладчикъ бюджетной комиссіи). Отъ имени бюджетной комиссіи я поддерживаю законопроектъ объ увеличеніи кредита на канцелярскіе и хозяйственные расходы пробирныхъ установленій и прошу признать его спѣшнымъ.
>
> Предсѣдательствующій. По законопроекту заявлена спѣшность. Угодно признать законопроектъ спѣшнымъ. (Баллотировка). Принято. (Законопроектъ принимается въ трехъ обсужденіяхъ, согласно докладу комиссіи безъ преній и поправокъ и передается въ редакціонную комиссію)» [1].

Это все, что читатель стенографическихъ отчетовъ можетъ узнать объ отношеніи думы къ данному законопроекту. И такихъ примѣровъ можно указать цѣлыя сотни. Правда, послѣ доклада редакціонной комиссіи текстъ законопроекта печатается въ концѣ стенографическаго отчета думы; если же законопроектъ благополучно пройдетъ всѣ стадіи, то его мы прочтемъ въ собраніи узаконеній. Но если онъ застрянетъ гдѣ-нибудь по пути, тогда, имѣя въ распоряженіи только стенографическіе отчеты, читатель остается въ полномъ невѣдѣніи относительно значенія голосованія думы.

Кромѣ того, общественный интересъ имѣетъ не только то, что сдѣлали государственная дума или государственный совѣтъ, но и почему они это сдѣлали; громадное значеніе имѣютъ м о т и в ы ихъ рѣшеній. Мотивы же чаще всего изложены только въ объяснительной запискѣ правительства или комиссіонныхъ докладахъ. Не имѣя же доступа къ первымъ, равно къ докладамъ совѣтской комиссіи, наблюдатель и изслѣдователь остается въ совершенно безпомощномъ состояніи. Вотъ иллюстрація. Въ стенограмѣ 17 засѣданія VI сессіи государственнаго

[1] 4, III, 4199.

совѣта читаемъ, что когда предсѣдатель поставилъ на очередь законопроектъ «О мѣрахъ противъ контрабанднаго водворенія вина и спирта въ предѣлахъ амурской и приморской областей», выступилъ только докладчикъ Манухинъ. Вотъ его рѣчь цѣликомъ:

«По соображеніямъ, подробно изложеннымъ въ докладѣ комиссіи по законодательнымъ предположеніямъ, имѣю честь предложить государственному совѣту принять настоящій, одобренный государственной думой, законопроектъ безъ измѣненій».

Конечно, никто не сомнѣвается, что всякое рѣшеніе законодательныхъ учрежденій вызвано извѣстными мотивами. Но гласность и публичность установлены именно затѣмъ, чтобы населеніе могло знать эти мотивы, а не довольствоваться утвержденіемъ, что они подробно гдѣ-то изложены. И такимъ образомъ недоступность матеріаловъ, въ которыхъ изложены мотивы, часто превращаетъ въ фикцію, лишаетъ содержанія гласность и публичность рѣшенія законодательныхъ дѣлъ.

Правда, относительно докладовъ комиссій могутъ указать на статьи учрежденій государственной думы и государственнаго совѣта, въ которыхъ говорится, что въ засѣданіяхъ комиссій и отдѣловъ ни постороннія лица, ни представители печати не допускаются. Но, не касаясь вопроса, какъ слѣдуетъ понимать значеніе этихъ статей, слѣдуетъ замѣтить, что негласность засѣданій комиссій не значитъ недоступность результатовъ работъ этихъ комиссій. И вѣдь государственная дума преспокойно печатаетъ и пускаетъ въ продажу всѣ доклады всѣхъ своихъ комиссій. Почему же этого не можетъ сдѣлать государственный совѣтъ?

3. Но вотъ законопроектъ, благополучно миновавъ всѣ стадіи, становится закономъ. И тутъ мы опять встрѣчаемся съ просто на просто вопіющей необходимостью свободнаго доступа ко всѣмъ относящимся къ нему законодательнымъ матеріаламъ.

Они нужны прежде всего для всякаго, кто хочетъ понять законъ.

Нѣкогда философы и законодатели вѣрили, что возможно создать такіе законы, которые были бы ясны сами собой и не требовали для своего пониманія и примѣненія ничего, кромѣ толково составленнаго указателя. Но уже болѣе ста лѣтъ эта вѣра оставлена всѣми. И толкованіе законовъ, признававшееся раньше всѣми зломъ, которое можно избѣжать, теперь признается неизбѣжнымъ, но за то вовсе не зломъ. Теперь поняли, что необходимость толкованія обусловливается отнюдь не несовершенствомъ законовъ; что форма законовъ не можетъ и не должна выражать всего содержанія ихъ, что она указываетъ только главную мысль—волю закона, его направленіе, даетъ опору для созданія общихъ понятій, изъ которыхъ уже путемъ дедукціи можно получать отвѣты на всѣ, вызываемыя примѣненіемъ закона вопросы и сомнѣнія. И въ этомъ смыслѣ можно признать истиной парадоксъ, что въ настоящее время законодатель даетъ только матеріалъ для толкованія, изъ котораго путемъ извѣстныхъ пріемовъ можно всегда найти рѣшеніе того случая, который выдвигаетъ неисчерпаемая въ своемъ многообразіи жизнь. Но и тутъ, какъ бы ни былъ совершененъ и продуманъ законъ, все же онъ одинъ недостаточенъ, и толкованіе, кромѣ правилъ грамматическихъ, логическихъ и систематическихъ, знаетъ еще пріемы, выводящіе изслѣдователя изъ рамокъ выраженій закона и привлекающіе матеріалъ, лежащій внѣ его. Такимъ матеріаломъ служатъ, главнымъ образомъ, мотивы законодателя. И, конечно, не простая ученая добросовѣстность заставляетъ догматика, раскрывающаго содержаніе того или иного постановленія закона, тщательно просмотрѣть весь законодательный матеріалъ, относящійся къ этому закону. Иногда только въ этомъ матеріалѣ можно найти отвѣтъ на тотъ или иной вопросъ; но всегда эти матеріалы облегчаютъ дѣло пониманія законовъ. Отбросьте отъ новаго уголовнаго уложенія его объяснительную записку! какъ трудно станетъ понимать его содержаніе, какъ безпомощны мы будемъ передъ многими изъ его оборотовъ и выраженій, совершенно ясныхъ если только обратиться къ подлежащимъ законодательнымъ мотивамъ.

И, конечно, въ этомъ смыслѣ можно говорить, что всѣ эти матеріалы, проекты правительства, доклады комиссій и пр. являются источниками права. И разъ всякій обязанъ подчиняться закону, то всякій долженъ имѣть возможность понять его, долженъ имѣть доступъ къ источникамъ, разъясняющимъ смыслъ его.

Правда, эти матеріалы не исчезаютъ окончательно, они гдѣ-нибудь сохраняются — въ архивахъ государственной думы, государственнаго совѣта. Но вѣдь доступъ къ этимъ архивамъ крайне труденъ, его получить могутъ только лица избранныя. Но этого не только не достаточно. Хуже того, это создаетъ извѣстное неравенство въ условіяхъ пользованія закономъ.

4. Но вотъ законъ прожилъ свой вѣкъ. Условія, вызвавшія его, измѣнились; жизнь требуетъ замѣны стараго права, измѣненій въ немъ. И законодатель и общество опять сталкиваются съ необходимостью новаго регулированія того или иного вопроса. И конечно, для этой новой работы чрезвычайно важно установить точно и ясно содержаніе предшествующихъ законодательныхъ работъ въ этой области. Вѣдь приходится обсуждать тѣ же явленія, затрагивать тѣ же проблемы, искать разрѣшенія на тѣхъ же путяхъ, которые обсуждены и освѣщены раньше. Вѣдь на изслѣдованіе этихъ вопросовъ раньше были затрачены значительныя интеллектуальныя силы. И, конечно, прежде всего надо по возможности использовать прежнюю работу и на

ея основѣ продолжать новую, не начиная сначала, а углубляя, совершенствуя. Вотъ на дняхъ въ газетахъ сообщалось, что комиссія государственнаго совѣта составила весьма обширный и обстоятельный докладъ по законопроекту о мѣстномъ судѣ; нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ докладѣ много цѣнныхъ указаній и соображеній; при всякой попыткѣ реформировать мѣстный судъ этотъ матеріалъ имѣлъ бы громадное значеніе. И крайне жаль, что этотъ трудъ, доступный только ограниченному кругу лицъ, не принесетъ всей той пользы, которую онъ могъ бы принести при условіи полной доступности.

5. Но пойдемъ дальше: законъ отмѣненъ,ересталъ быть дѣйствующимъ правомъ. Не имѣя непосредственнаго практическаго значенія онъ, однако, сохраняетъ значеніе, какъ историческій памятникъ, какъ матеріалъ для изслѣдованій ученыхъ историковъ, соціологовъ, юристовъ. Но этимъ изслѣдователямъ въ особенности не достаточно знать одно содержаніе дѣйствовавшихъ законовъ. Имъ почти всегда необходимо прослѣдить всѣ ихъ корни, разобраться во всѣхъ общественныхъ теченіяхъ, приведшихъ къ ихъ созданію. Для этого же имъ нужны все тѣ же законодательные матеріалы, безъ которыхъ они часто будутъ совершенно безпомощными. И невозможно даже представить, чтобы изслѣдователь стараго закона не заинтересовался его мотивами, объяснительными записками и т. д. Ясно, что онъ не рѣшится шагу ступить, пока не разыщетъ всѣ эти матеріалы или не убѣдится въ невозможности ихъ разыскать.

Такимъ образомъ мы видимъ, что самые разнообразные, а вмѣстѣ съ тѣмъ существенные интересы общества требуютъ полной доступности законодательныхъ матеріаловъ и что это вопросъ не только цѣлесообразности, но даже, въ извѣстномъ отношеніи, вопросъ права гражданъ.

Между тѣмъ практическая регулировка вопроса едва ли представляетъ какія-либо затрудненія. Во первыхъ, всѣ законодательные матеріалы должны поступать въ продажу; проекты правительства—одновременно съ ихъ внесеніемъ въ государственную думу. Юридическіе книжные магазины, вѣроятно, не откажутся печатать въ своихъ каталогахъ сообщенія объ этихъ матеріалахъ. Но этого мало. Необходимо озаботиться еще тѣмъ, чтобы существовало возможно болѣе полныхъ комплектовъ законодательныхъ матеріаловъ, доступъ къ коимъ не былъ бы слишкомъ труденъ. Конечно, поступленіе ихъ въ продажу дало бы возможность серьезнымъ юридическимъ библіотекамъ самимъ стараться объ этомъ. Но кромѣ того, было бы крайне желательно, чтобы сама государственная канцелярія заботилась о созданіи такихъ комплектовъ. И достигнуть этого чрезвычайно просто и легко. Надо только аккуратно высылать всѣ матеріалы въ публичную, академическую, румянцевскую и всѣ университетскія библіотеки. До сихъ поръ даже публичная библіотека получаетъ лишь очень немногіе изъ этихъ матеріаловъ, о комплектѣ же—нѣтъ и рѣчи. О расходахъ, конечно, говорить не приходится. Десятокъ другой экземпляровъ при печатаніи ихъ сотнями—не имѣетъ значенія. Но вызывая совершенно незначительную затрату силъ, такая бережливость по отношенію къ законодательнымъ матеріаламъ, конечно, въ будущемъ оказала бы незамѣнимыя услуги и практикамъ, и теоретикамъ и, наконецъ, самимъ же законодателямъ.

В. Станкевичъ.

Очерки французской юриспруденціи.

I.

Объ ограниченіяхъ права отказа отъ заключенія договоровъ личнаго найма.

Индивидуализмъ несомнѣнно является одной изъ основныхъ чертъ великой французской революціи, а стремленіе освободить личность отъ всѣхъ связывающихъ ее путъ и дать ей возможность свободно развиваться и бороться—одной изъ ея руководящихъ идей. Такъ какъ необходимымъ слѣдствіемъ свободы личности или даже неизбѣжной ея предпосылкой казалась свободная собственность, то дѣятели этой эпохи опасливо относились ко всѣмъ законодательнымъ ея ограниченіямъ.

Гражданская свобода личности, неограниченность права собственности, эти дезидераты революціи обусловили многія постановленія гражданскаго кодекса. Провозглашенная имъ полная договорная свобода несомнѣнно находится въ связи съ этими началами. Всякій можетъ заключить какіе ему угодно договоры, лишь бы они не были (статья 6-ая) въ противорѣчіи съ законами, касающимися общественнаго порядка, и съ требованіями нравственности. Никто, съ другой стороны, не обязанъ заключить какихъ-либо неугодныхъ ему договоровъ. Никто не обязанъ, ни въ качествѣ работодателя, ни въ качествѣ рабочаго, связывать себя неугодными договорами личнаго найма въ частности. Это послѣднее положеніе долгое время почиталось юридической аксіомой. И въ самомъ дѣлѣ, это положеніе непосредственно вытекало какъ изъ принципа свободы личности, поскольку такой договоръ предполагаетъ и вызываетъ личныя отношенія договаривающихся сторонъ, такъ и изъ права свободнаго распоряженія своей собственностью, поскольку онъ носитъ характеръ явленія хозяйственнаго и влечетъ за собой имущественныя послѣдствія.

Однако теперь положеніе вещей измѣнилось, и въ современной Франціи право на отказъ отъ заключенія договоровъ личнаго найма не является болѣе безусловнымъ. Съ развитіемъ крупной промышленности и постепеннымъ исчезновеніемъ всего патріархальнаго въ отношеніяхъ между рабочими и работодателями, договоръ найма; ихъ связывающій, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ потерялъ всякій личный характеръ. Съ другой стороны совершенно измѣнилось

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1912 г. № 12. Суббота 24 Марта.

„Право" издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: профессора *В. М. Гессена, І. В. Гессена,* профессоровъ *А. А. Жижиленко* и *А. И. Каминка, В. Д. Набокова,* профессоровъ бар. *Б. Э. Нольде, М. Я. Пергамента* и *Л. І. Петражицкаго.*

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Право залогодержателя на удержаніе имѣнія въ суммѣ залога. Сенаторъ **В. Л. Исаченко.** 2) О каторгѣ. **Очевидецъ.** 3) Гербовый сборъ по предпринимательскимъ дѣламъ въ крестьянскихъ установленіяхъ. **А. Кожевниковъ.** 4) Дѣйствія правительства: Собр. узак. и расп. правит. 5) Судебные отчеты: Правит. сенатъ: засѣд. гражд. кассац. департ. 29 февраля. 6) Хроника. 7) Библіографія: L. P. Rastorgoueff. „The legal position of english companies in Russia". **І. Войтинскій.** 8) Московское юридическое общество. 9) Судебная и судебно-административная практика: Судебный деп. прав. сената. 10) Справочный отдѣлъ. 11) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Непапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой **7** руб., на полгода **4** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ **4** р. и къ первому мая **3** рубля. За границу на годъ—**10** руб. Отдѣльные номера продаются по **20** коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній—**50** к., въ остальныхъ случаяхъ—**20** к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Право залогодержателя на удержаніе имѣнія въ суммѣ залога.

Въ какой суммѣ залогодержатель въ правѣ удержать непроданное на первомъ торгѣ заложенное ему имѣніе, въ суммѣ ли залога или въ суммѣ оцѣнки, сдѣланной имъ самимъ при обращеніи своего взысканія по закладной на это имѣніе, и превышающей долгъ по закладной?

Вопросъ этотъ разрѣшается не одинаково на всѣ случаи. Все зависитъ отъ того,—одинъ ли залогодержатель обратилъ на то имѣніе свое взысканіе по закладной, или къ нему присоединились и другіе, личные кредиторы должника, обративъ на то имѣніе и свои взысканія.

Въ послѣднемъ случаѣ разрѣшеніе вопроса должно быть поставлено въ зависимость отъ того, пожелаетъ кто-либо изъ личныхъ кредиторовъ принять имѣніе въ суммѣ оцѣнки, или не пожелаетъ. Разъ кѣмъ-либо изъ личныхъ кредиторовъ выражено такое желаніе—нѣтъ основанія давать предпочтеніе залогодержателю, предоставляя ему право удержать то имѣніе за собою въ суммѣ залога, ибо, если допустить противное, то имъ можно было бы оправдать преимущество залогодержателя въ такомъ, напримѣръ, случаѣ: имѣніе, стоющее по оцѣнкѣ самого залогодержателя 10.000 рублей, заложено въ 1.000 рублей; торгъ оказался несостоявшимся, потому ли, что никто не пожелалъ принять участія въ немъ, или потому, что былъ сорванъ лицомъ, предложившимъ высокую цѣну и отказавшимся внести задатокъ, а предложившій предпослѣднюю сумму не пожелалъ принять имѣніе въ суммѣ, предложенной имъ (ст. 1177),—какое основаніе отдавать это имѣніе залогодержателю за 1.000 рублей, когда личный кредиторъ предлагаетъ 10.000 рублей, изъ каковой суммы долгъ по закладной будетъ погашенъ полностію и останется сумма въ 9.000 р. для удовлетворенія другихъ личныхъ кредиторовъ? Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ залогодержателю можетъ быть предоставлено преимущество удержать за собою имѣніе въ суммѣ оцѣнки, такъ какъ это преимущество законъ предоставляетъ каждому кредитору, по просьбѣ котораго было описано имѣніе (ст. 1064), но и то, полагаемъ, если никто изъ кредиторовъ не

живъ, не устоялъ въ торгѣ,—торги почитались несостоявшимися и имѣніе назначалось, какъ и нынѣ, на второй торгъ, и тутъ могло быть продано ниже оцѣнки. Это слѣдуетъ изъ правилъ пол. о взыск. гражд., въ статьяхъ коихъ изложено: «торгъ почитался оконченнымъ послѣ того, какъ прекратились надбавки и предложившій высшую цѣну внесъ задатокъ, о чемъ записывалось въ журналъ» (ст. 280 и 281), но тутъ же объявлялось, что «желающіе сдѣлать еще выгоднѣйшія предложенія могутъ явиться черезъ три дня на переторжку» (ст. 287); на переторжкѣ объявлялась послѣдняя, предложенная на торгѣ цѣна (ст. 291), послѣ чего производилось соревнованіе, и имущество утверждалось окончательно за тѣмъ изъ торгующихся, кто на переторжкѣ предложилъ высшую противъ другихъ цѣну (ст. 292); «если же на переторжкѣ не будетъ желающихъ возвысить цѣну, то имѣніе утверждается за тѣмъ, кто предложилъ на торгѣ высшую цѣну» (ст. 294). Далѣе, если ни къ назначенному торгу, ни къ переторжкѣ никто не явился или явился только одинъ,—торгъ признавался несостоявшимся и кредиторамъ, за исключеніемъ залогодержателей, предоставлялось право или удержать имѣніе за собою по оцѣнкѣ, или же просить о назначеніи еще одного новаго торга (ст. 305).

Если, такимъ образомъ, при старомъ порядкѣ судопроизводства, переторжка не имѣла значенія второго самостоятельнаго торга, а была лишь продолженіемъ перваго, который въ силу самого закона обязательно долженъ былъ производиться въ два пріема; если на переторжкѣ имѣніе не могло быть продано ниже оцѣнки, и если, несмотря на это, залогодержатель обязанъ былъ принять имѣніе въ погашеніе закладной, не иначе какъ въ суммѣ залога, то откуда же является заключеніе о томъ, что по законамъ о судопроизводствѣ гражданскомъ или положенія о взысканіи гражданскомъ, залогодержатель не могъ требовать укрѣпленія за нимъ имѣнія прежде, чѣмъ не будетъ испытано послѣднее средство — предоставленіе желающимъ купить имѣніе за сумму ниже оцѣнки? Приведенныя узаконенія положенія о взысканіяхъ гражданскихъ съ полною ясностію указываютъ на то, что при старомъ режимѣ залогодержатель долженъ былъ принять имѣніе въ суммѣ залога послѣ перваго торга, и не могъ, права не имѣлъ, какъ это дозволяется ему 2 п. 1068 ст. уст. гр. суд., просить о назначеніи второго торга; это право предоставлялось лишь личнымъ кредиторамъ должника, претензіи коихъ не имѣли вещнаго характера.

Нельзя, поэтому, не прійти къ тому заключенію, что правительствующій сенатъ вполнѣ правильно и согласно съ преподанными имъ въ его многочисленныхъ рѣшеніяхъ разъясненіями, разрѣшилъ вопросъ о правѣ залогодержателя удержать за собою непроданное на первомъ торгѣ имѣніе въ суммѣ залога, и ему не представляло никакой надобностя вносить этотъ вопросъ на уваженіе присутствія департамента.

Но такъ ли это со стороны практической, со стороны жизненной правды и высшей справедливости? Вѣдь невозможно отрицать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ залогодержатели могутъ злоупотреблять своимъ правомъ. Нельзя отрицать, что иной залогодержатель, въ видахъ пріобрѣтенія за незначительный долгъ по закладной такого имѣнія, которое своею стоимостью во много разъ превышаетъ сумму закладной, сдѣлаетъ при обращеніи своего взысканія на то имѣніе столь высокую оцѣнку, что никто не пожелаетъ явиться на торги. Ужели же и въ этомъ случаѣ ему должно быть предоставлено право послѣ перваго торга забрать себѣ то имѣніе въ суммѣ залога?—Вѣдь, дѣйствительно, по буквѣ закона (ст. 1118 уст. гр. суд.), собственнику имѣнія предоставляется право не соглашаться съ оцѣнкой, сдѣланной взыскателемъ въ томъ лишь случаѣ, когда онъ находитъ эту оцѣнку слишкомъ низкою.

Разрѣшая этотъ вопросъ, нельзя прежде всего не замѣтить, что возможность подобныхъ злоупотребленій слишкомъ проблематична. Какой собственникъ большого имѣнія допуститъ его до продажи за незначительный сравнительно долгъ? Въ теченіе почти полувѣковой дѣятельности нашихъ новыхъ судовъ, подобные случаи не были замѣчены. Но если бы что-либо подобное и могло случиться, то вопросъ о злоупотребленіи взыскателя, возбужденный заинтересованнымъ въ томъ лицомъ, не былъ бы оставленъ судомъ безъ вниманія. Хотя, по правилу 1118 ст., собственнику предоставлено право спорить противъ оцѣнки только въ случаѣ, когда онъ признаетъ ее низкою, но правило это не исключаетъ возможности возбуждать споръ и противъ высокой оцѣнки, дѣлаемой съ недобросовѣстной цѣлью пріобрѣсти большое имѣніе за безцѣнокъ. Вѣдь это правило постановлено въ огражденіе интересовъ должника, а потому, разъ эти интересы недобросовѣстно съ злонамѣренною цѣлью нарушаются взыскателемъ, о недопустимости оспаривать такую недобросовѣстность не можетъ быть и рѣчи.

В. Л. Исаченко.

О каторгѣ.

(*Продолженіе*) [1].

II.

Первая нелѣпость, которая бросается въ глаза въ постановкѣ нашихъ каторжныхъ тюремъ,— это отсутствіе въ нихъ правильно организованныхъ работъ для арестантовъ. Оцѣнивая это отсутствіе работъ, я отмѣтилъ, какъ отражается

[1] См. „Право“ № 11.

это явленіе на положеніи заключенныхъ, и разобралъ значеніе и смыслъ принятой у насъ мѣры—уравновѣшивать отсутствіе работъ въ каторжныхъ тюрьмахъ удлиненіемъ на $^1/_3$ срока заключенія.

Теперь я долженъ подѣлиться съ читателями своими наблюденіями въ другой области, своими наблюденіями надъ тѣмъ, какъ принимается мало-по-малу наше тюремное вѣдомство за организацію работъ въ каторжныхъ тюрьмахъ.

Было бы несправедливо утверждать, что въ этомъ направленіи ничего не дѣлается. Нѣтъ, принципіально тюремное вѣдомство вступило уже на путь организаціи работъ для заключенныхъ. И по первымъ шагамъ его на этомъ пути можно уже сдѣлать нѣкоторые выводы, можно съ большой степенью вѣроятности предсказать, какъ въ дальнѣйшемъ пойдетъ это дѣло.

Во всѣхъ тюрьмахъ, въ которыхъ мнѣ пришлось побывать и въ которыхъ существуютъ хоть самыя ничтожныя мастерскія, начальство, посѣщавшее мастерскія, неизмѣнно съ озабоченно дѣловымъ видомъ готовилось къ какой-либо выставкѣ. Получалась такая картина, будто во всѣхъ концахъ Россіи за послѣдніе годы непрерывно устраивались областныя и мѣстныя выставки, будто на всѣхъ этихъ выставкахъ неизмѣннымъ экспонентомъ выступало тюремное вѣдомство, будто участіе въ этихъ выставкахъ тюремная бюрократія считала самымъ важнымъ, самымъ необходимымъ дѣломъ, передъ которымъ блѣднѣютъ и меркнутъ всѣ остальныя задачи.

Повидимому, такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Выставокъ за эти годы было, дѣйствительно, не мало. И почти на всѣхъ выставкахъ тюремное вѣдомство было представлено, если не особымъ павильономъ, то хотя бы скромной витриной. Вѣдь выступило же тюремное управленіе даже на царскосельской юбилейной выставкѣ.

Судя по множеству выставленныхъ тюрьмами экспонатовъ, широкая публика, вѣроятно, удивляется, какъ быстро удалось тюремному вѣдомству развить въ тюрьмахъ разнообразнѣйшія работы.

Вѣдь принято думать, что на выставку отправляются образчики производства мастерской. И, разсматривая тюремную витрину на выставкѣ, мало кто знаетъ, что эта витрина заключаетъ въ себѣ не только образчикъ арестантскаго труда, но чуть ли не весь годовой продуктъ дѣятельности тюремныхъ мастерскихъ.

А между тѣмъ иныя тюремныя мастерскія только и работаютъ, что для выставки.

Въ каждой каторжной тюрьмѣ всегда найдется достаточно рабочихъ различныхъ спеціальностей. Попадаются среди нихъ и настоящіе искусники, настоящіе мастера своего дѣла. Имъ и поручаетъ тюремная администрація приготовить что-либо интересненькое для выставки. Особое вниманіе обращаютъ при этомъ на внѣшнюю эффектность изготовляемаго предмета. И хотя, вообще говоря, тюремная администрація опасается пускать въ мастерскія политическихъ каторжанъ, но передъ выставкой дѣло рѣдко обходится безъ участія политическихъ. Съ ними совѣтуются при выборѣ предмета для выставки, къ нимъ обращаются съ порученіемъ составить рисунки и т. д., и т. д.

Изъ тысячи арестантовъ часто какихъ-нибудь 20—30 человѣкъ работаютъ въ мастерскихъ. И изъ этихъ 20—30 рабочихъ большинство занято мелкой хозяйственной работой, чинятъ кандалы и замки, готовятъ ушаты и парашки, чинятъ койки, сколачиваютъ скамейки, столы, гробы и т. п. предметы тюремнаго обихода. А меньшинство за особыми тисками и верстаками приготовляютъ свои шедёвры для предстоящей выставки.

Каторжанинъ, работающій для выставки,— persona grata у тюремной администраціи. Понятно, что онъ старается, насколько хватаетъ умѣнья. Кромѣ того, хорошій мастеръ всегда вѣдь остается мастеромъ: его искусство остается при немъ и въ тюрьмѣ... Въ результатѣ, тюрьмы съ самыми безобразными и ничтожными мастерскими щеголяютъ на выставкахъ блестящими экспонатами, и тюремному вѣдомству довольно дешевой цѣной достаются почетные лавры.

Увлеченіе выставками—весьма характерно для нашего тюремнаго управленія.

Дѣло въ томъ, что въ устройствѣ тюремныхъ мастерскихъ главную роль играетъ показная, театральная сторона дѣла. Въ этомъ направленіи иногда доходятъ у насъ до поразительныхъ курьезовъ. Приведу одинъ примѣръ.

Вотъ тюрьма—во многихъ отношеніяхъ образцовая. Въ ней имѣются портняжныя мастерскія человѣкъ на 200, слесарно-кузнецкія мастерскія человѣкъ на 60 и т. д. Мастерскія отлично оборудованы и снабжены всѣмъ необходимымъ. Но ведутся они неумѣло и изъ рукъ вонъ плохо, работы въ нихъ иногда много, иногда нѣтъ вовсе. И нерѣдко цѣлыми недѣлями швейныя машины портняжной мастерской стоятъ безъ движенія, а въ кузнечныхъ горнахъ рабочіе разводятъ огонь только для того, чтобы вскипятить воду къ чаю.

Какъ разъ во время такого «кризиса» приходитъ извѣстіе, что тюрьму долженъ посѣтить инспекторъ главнаго тюремнаго управленія, особенно требовательный въ вопросахъ, касающихся мастерскихъ. Какъ тутъ быть? Достаютъ изъ тюремнаго цейхгауза холстъ и нарѣзаютъ его такъ, чтобы на каждую швейную машинку пришлось по куску. Въ кучахъ стараго желѣзнаго хлама разыскиваютъ болванки покрупнѣе и распредѣляютъ ихъ по горнамъ. Въ день пріѣзда инспектора съ утра всѣ на своихъ мѣстахъ и ждутъ. За машинками сидятъ портные, готовые по сигналу стоящаго за дверью надзирателя пустить машинки въ ходъ. Въ горнахъ лежатъ раскаленныя добѣла болванки. У наковаленъ стоятъ кузнецы и молотобойцы съ молотами наготовѣ... Лишь только начальство,

обойдя часть камеръ, направляется въ сторону мастерскихъ, стоящій «на стрёмѣ» надзиратель подаетъ рабочимъ условленный знакъ,—и мигомъ все приходитъ въ движеніе. Разомъ пускаются въ ходъ всѣ швейныя машины. А кузнецы, перебросивъ раскаленныя болванки на наковальни, начинаютъ работать молотами. Да какъ! Шумъ, трескъ, громъ, милліоны искръ. Блестящая картина напряженнаго труда! За этимъ блескомъ и грохотомъ строгій инспекторъ не можетъ даже спросить кузнецовъ, что это куютъ они съ такимъ усердіемъ. Да, можно быть увѣреннымъ, что инспекторъ и не захочетъ спрашивать ихъ объ этомъ: не станетъ же онъ отрывать людей отъ столь горячей работы!

Инспекторъ уѣзжаетъ изъ тюрьмы, восхищенный работой мастерскихъ. А въ мастерскихъ воцаряется старая идиллія. Швейныя машины бездѣйствуютъ, а въ горнахъ мирно грѣются арестантскіе чайники и надзирательскіе котелки съ ужиномъ.

Послѣ того, какъ мнѣ пришлось наблюдать подобныя сцены, я не рѣшусь обвинять главное тюремное управленіе въ томъ, что оно сознательно дурачитъ публику своими павильонами и витринами. Отчасти оно обманываетъ публику, но въ значительной степени и его обманываютъ. Здѣсь получается та круговая порука надувательства, къ которой неизбѣжно приводитъ во всякомъ дѣлѣ увлеченіе его показной стороной.

Собственно говоря, погоня за показнымъ, внѣшнимъ эффектомъ является единственнымъ принципомъ, который сколько-нибудь послѣдовательно проводится нашимъ тюремнымъ вѣдомствомъ въ дѣлѣ организаціи работъ для каторжанъ и вообще для арестантовъ. Никакого иного общаго принципа въ постановкѣ этого дѣла въ различныхъ тюрьмахъ уловить невозможно.

Не говоря уже о томъ, что работами занято у насъ лишь ничтожное меньшинство каторжанъ, въ самой постановкѣ работъ поражаетъ полная безсистемность, полная безтолковость, отсутствіе пониманія самыхъ элементарныхъ условій, безъ соблюденія которыхъ трудъ не только утрачиваетъ всякую «воспитательную» цѣнность, но становится и съ хозяйственной точки зрѣнія безсмысленнымъ.

Сколько существуетъ въ Россіи каторжныхъ тюремъ, въ которыхъ приступлено къ организаціи работъ для арестантовъ, столько существуетъ различныхъ системъ каторжныхъ работъ. И чаще всего эти работы по своей уродливости и безсмысленности похожи на злую каррикатуру. Чтобы не быть голословнымъ, приведу пару характерныхъ примѣровъ.

Начальникъ тобольской каторги, сознавая воспитательное значеніе труда и развращающее вліяніе праздности, долго придумывалъ, какой работой занять каторжанъ. Наконецъ, придумалъ. У восточной стѣны обширнаго тюремнаго двора были сложены штабелями запасенныя на зиму дрова. Начальникъ велѣлъ каторжанамъ перенести эти дрова къ западной стѣнѣ, аккуратно сложить ихъ, затѣмъ перенести обратно къ восточной стѣнѣ, снова сложить и т. д., и т. д. При этомъ онъ словоохотливо объяснилъ арестантамъ, что существуетъ какой-то старый законъ (или циркуляръ), который предписываетъ начальникамъ тюремъ не допускать праздности каторжанъ и рекомендуетъ, въ случаѣ неимѣнія работы, заставлять ихъ переносить съ мѣста на мѣсто пушечныя ядра. Словоохотливаго начальника тобольской каторги смущало только то, что въ тюрьмѣ не нашлось ядеръ и чугунныя ядра пришлось, волей-неволей, замѣнить сосновыми дровами...

Такъ наладилась работа въ тобольской каторгѣ. И нельзя пожаловаться, чтобы эта работа чрезмѣрно обременяла заключенныхъ: слабосильнымъ и больнымъ арестантамъ разрѣшалось носить по одному, по два полѣна заразъ; разрѣшалось также носить дрова не бѣгомъ, а шажкомъ, потихоньку... Съ этой стороны, противъ подобной «работы» ничего нельзя возразить.

Но неужели тюремные юристы считаютъ такое таcканье дровъ черезъ дворъ «работой»? Неужели они серьезно вѣрятъ въ воспитательное значеніе подобныхъ упражненій?

Совершенно иначе поставлены работы для каторжанъ въ орловскомъ централѣ.

Орловскій начальникъ понимаетъ, что работа должна быть для каторжанъ не игрой, а наказаніемъ, и потому онъ позаботился организовать работы такъ, чтобы онѣ были возможно мучительны и возможно губительно дѣйствовали на здоровье заключенныхъ. Сообразно съ этимъ принципомъ организованы въ орловскомъ централѣ знаменитые «хлопки»,—мастерскія, въ которыхъ арестанты треплютъ старые канаты, паклю и хлопокъ... Эти мастерскія являются для каторжанъ преддверіемъ могилы. Воздухъ въ мастерскихъ ничѣмъ не очищается, рабочимъ съ утра до вечера приходится вдыхать колючую пыль, и нѣтъ человѣка, который могъ бы продолжительное время выносить эту работу. Почти всѣ каторжане уже послѣ первыхъ мѣсяцевъ работы на «хлопкахъ» получаютъ чахотку.

Но это не все. Этого, по мнѣнію орловской администраціи, недостаточно для того, чтобы работы имѣли требуемое карательное значеніе.

Съ внѣшней стороны, орловскіе «хлопки» похожи на обыкновенное промышленное предпріятіе. Они сданы въ аренду частному предпринимателю, который доставляетъ въ тюрьму матерьялъ и забираетъ готовый товаръ. Арендаторъ заботится и о повышеніи производительности арестантскаго труда. Работа производится все время подъ градомъ ударовъ, которые разсыпаютъ рабочимъ погонщики-надзиратели. Арендаторъ время отъ времени заходитъ въ мастерскія посмотрѣть, какъ подвигается работа. И

при появлении его надзиратели принимаются всякій разъ съ удвоенной энергіей избивать рабочихъ-каторжанъ. Бьютъ по лицу, по головѣ, по всему тѣлу, не лѣнивыхъ или слабосильныхъ рабочихъ, а всѣхъ безъ разбору. И арендаторъ, осмотрѣвъ работы, каждый разъ обходитъ надзирателей и каждому изъ нихъ на глазахъ арестантовъ даетъ по рублю или по полтиннику на водку «за усердіе». И надзиратели, разумѣется, усердствуютъ. Ни у одного плантатора-рабовладѣльца не избивали рабочихъ такъ, какъ избиваютъ ихъ въ орловскихъ мастерскихъ на «хлопкахъ»!

При такой постановкѣ «работъ» неудивительно, что въ этихъ мастерскихъ разыгралась, въ концѣ концовъ, драма, въ результатѣ которой оказались убитые и со стороны администраціи и со стороны заключенныхъ. Но не буду вспоминать эту драму.

Извѣстно, что юристы нашего тюремнаго вѣдомства признаютъ розги и кулаки необходимымъ средствомъ воздѣйствія на арестантовъ. Но вѣдь ставши на точку зрѣнія необходимости организаціи работъ, и они должны понимать, что работы—это одно, а побои—другое.

Поэтому интересно было бы выяснить принціпіальный взглядъ юристовъ тюремнаго вѣдомства на постановку работъ въ тюрьмахъ. Какъ отнесутся они къ тобольской или орловской системѣ работъ? Какая изъ этихъ двухъ системъ, по ихъ мнѣнію, больше соотвѣтствуетъ послѣднему слову науки, имѣетъ большее воспитательное значеніе?

Можно по-различному смотрѣть на государство, на судъ, на преступленіе и наказаніе. Но при самомъ широкомъ расхожденіи въ общихъ вопросахъ, въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ нельзя придерживаться различныхъ мнѣній. Не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній и по вопросу о томъ, при какихъ условіяхъ трудъ перестаетъ быть трудомъ и превращается въ безсмыслицу или издѣвательство, въ нелѣпость или варварство. О трудѣ можно говорить серьезно только до тѣхъ поръ, пока онъ 1) хозяйственно цѣлесообразенъ, а 2) обладаетъ извѣстной интенсивностью,—достаточной, но не чрезмѣрной. Если возможны разговоры о воспитательномъ значеніи труда для преступниковъ,—то только до тѣхъ поръ, пока трудъ удовлетворяетъ этимъ двумъ условіямъ.

Казалось бы, что организуя работы для каторжанъ, тюремное вѣдомство должно было бы начать съ выясненія условій, обезпечивающихъ хозяйственную цѣлесообразность и нормальную интенсивность арестантскаго труда. Хозяйственное веденіе тюремныхъ мастерскихъ лучше всего обезпечивается сдачей ихъ въ аренду частному предпринимателю,—но при непремѣнномъ условіи, чтобы и тюрьма, сдающая мастерскія, и арендаторъ, снимающій ихъ, смотрѣли на мастерскія, какъ на промышленное предпріятіе, на арестантовъ, какъ на рабочихъ. Только при возможномъ приближеніи условій работы въ тюремной мастерской къ условіямъ, существующимъ въ соотвѣтствующемъ производствѣ на волѣ, можно достигнуть хозяйственно цѣлесообразнаго использованія арестантскаго труда.

При этомъ существуетъ только одинъ способъ обезпечить за арестантскимъ трудомъ нормальную интенсивность: это введеніе обязательной сдѣльной оплаты труда. Въ «Уставѣ о ссыльныхъ» попадаются намеки на признаніе этого принципа: такъ 292 ст. «Уст.» говоритъ даже о томъ, что плата, получаемая каторжанами, « должна соотвѣтствовать цѣнѣ вольнонаемныхъ работъ».

Объ обязательной оплатѣ арестантскаго труда говорятъ и временныя правила о производствѣ каторжанами работъ на строющихся въ Сибири желѣзныхъ дорогахъ.

Но на дѣлѣ оплата арестантскаго труда наблюдается въ нашихъ тюрьмахъ только какъ исключеніе. Администрація предпочитаетъ пользоваться безплатнымъ трудомъ или же устанавливаетъ для оплаты труда такія расцѣнки, что получаемая арестантомъ плата становится похожа на насмѣшку.

Я знаю лишь одинъ примѣръ того, какъ тюремный дѣятель, завѣдывавшій обширными арестантскими работами, попытался поставить ихъ на раціональную почву: это попытка Савицкаго организовать арестантскій трудъ на постройкѣ амурской желѣзной дороги. Читатели знаютъ изъ газетъ, чѣмъ кончилась эта попытка: Савицкій поплатился за свою затѣю жизнью. Блюстители интересовъ тюремнаго вѣдомства, охранители канцелярскихъ формальностей затравили его доносами и придирками и довели до самоубійства. А послѣ него амурскія работы перешли въ руки представителей орловской администраціи и сразу приняли такой характеръ, что даже г. Гучковъ, случайно посѣтившій ихъ, пришелъ въ ужасъ и счелъ необходимымъ телеграфировать объ нихъ Щегловитову и Столыпину...

Въ чемъ же заключалась вина Савицкаго, съ точки зрѣнія начальства, затравившаго его?

Вина его заключалась въ томъ, что онъ считалъ нужнымъ обращаться съ каторжанами, какъ съ людьми, и поощрять ихъ въ работѣ не палкой, не розгами, но справедливой (хотя и невысокой) оплатой работы. Сообразно съ этимъ своимъ пониманіемъ дѣла онъ и организовалъ работы. И результаты получились у него блестящіе. При немъ побѣговъ съ работъ почти не было. Къ наказанію арестантовъ приходилось прибѣгать крайне рѣдко. Работы развивались въ хозяйственномъ и техническомъ отношеніи превосходно.

Но несмотря на все это, ему не могли простить его разумнаго отношенія къ работающимъ каторжанамъ. Считали, что, платя деньги каторжанамъ, онъ балуетъ и развращаетъ ихъ и въ то же время вводитъ въ убытокъ казну.

Каторжанинъ долженъ работать не ради платы, а изъ-за страха подвергнуться поркѣ. Прилежному каторжанину платить не за что,—его награда ужъ въ томъ, что его не бьютъ. А лѣниваго каторжанина можно заставить трудиться и безъ денегъ,—достаточно частыми и достаточно энергичными побоями. Эти широкіе взгляды принесли съ собою смѣнившіе Савицкаго на амурской желѣзной дорогѣ представители орловской администраціи. При нихъ начались массовые побѣги каторжанъ. А самыя работы принесли въ короткій срокъ тюремному вѣдомству матеріальный убытокъ.

Въ этомъ результатѣ нѣтъ ничего удивительнаго.

При тѣхъ техническихъ задачахъ, которыя ставятся въ настоящее время рабочимъ, трудъ подъ остріями штыковъ, подъ кулаками погонщиковъ, трудъ, поощряемый свистомъ розогъ, является не только варварствомъ, но и совершенной нелѣпостью съ хозяйственной точки зрѣнія. Такой трудъ не можетъ окупить расходовъ по содержанію погонщиковъ и по прокорму рабочихъ, — хотя бы ихъ кормили хуже, чѣмъ вьючную скотину. Такой трудъ не можетъ не быть совершенно непроизводительнымъ. Онъ не допускаетъ ни цѣлесообразнаго использованія инвентаря и инструмента, ни приспособленія къ условіямъ работы, ни технической правильности выполненной работы.

На лучшій конецъ, такой трудъ въ хозяйственномъ отношеніи безполезенъ. А при попыткѣ развить его онъ становится убыточенъ... На «хлопкахъ» орловская система не приносила казнѣ ни прибыли, ни убытка. На амурскихъ работахъ она принесла уже милліонный проработокъ.

Мнѣ почти стыдно, что приходится оцѣнивать съ точки зрѣнія хозяйственной цѣлесообразности примѣненіе розогъ и палокъ къ работающимъ каторжанамъ. Но если въ законахъ печатаютъ расцѣнку числа ударовъ за различные проступки каторжанъ, если орловская система работъ имѣетъ всѣ шансы распространиться по всѣмъ каторжнымъ тюрьмамъ, то ничего не подѣлаешь: приходится оцѣнивать эту систему съ различныхъ точекъ зрѣнія,—въ томъ числѣ, какъ это ни ужасно, и съ точки зрѣнія хозяйственной, коммерческой цѣлесообразности...

При невысокой платѣ за трудъ, каторжанинъ можетъ работать не многимъ хуже вольнаго рабочаго. Производительность его труда, если не дойдетъ до нормальнаго уровня, то будетъ ниже его всего на нѣсколько процентовъ. На работающаго каторжанина дѣйствуетъ при этомъ нормальный для нашего общества стимулъ прилежанія.

Но отнимите эту оплату труда. Отнимите у людей надежду цѣной усердія получить лишній ломоть хлѣба, кусокъ сахару, щепотку махорки. Замѣните этотъ стимулъ угрозой побоевъ. Во что превратятся тогда работы?

Не будемъ касаться того, что человѣкъ, избитый или ожидающій удара, физически не можетъ работать производительно. Но вѣдь ясно, что при орловской системѣ работъ всѣ усилія арестантовъ направляются не на выполненіе опредѣленныхъ техническихъ задачъ, но на то, чтобы избавиться отъ побоевъ, на то, чтобы перехитрить надзирателей и, если удастся, бѣжать изъ этого ада. Отсюда неизбѣжное чудовищное увеличеніе расходовъ на охрану. И въ концѣ концовъ, окажется, что эти расходы больше той суммы, въ какую обошлось бы выполненіе данной работы руками вольныхъ рабочихъ.

Это неизбѣжно, какъ законъ природы. Хозяйственно-цѣлесообразенъ и интенсивенъ только оплачиваемый трудъ каторжанъ. Трудъ изъ-подъ палки даже съ узко-хозяйственной точки зрѣнія не даетъ ничего кромѣ убытка.

Подтверждается, такимъ образомъ, правильность выставленнаго выше положенія: можно устраивать работы; можно устраивать экзекуціи; но нелѣпа затѣя построить хозяйственно цѣлесообразныя работы на примѣненіи кулаковъ и розогъ.

Мнѣ пришлось наблюдать безплатный трудъ каторжанъ и въ менѣе отвратительной обстановкѣ, въ обстановкѣ, имѣющей мало общаго съ особенностями орловской системы. Но и эти наблюденія подтверждаютъ необходимость оплаты арестантскаго труда.

Въ нѣкоторыхъ сибирскихъ тюрьмахъ внѣтюремныя хозяйственныя работы выполняются партіями каторжанъ, трудящихся подъ наблюденіемъ одного-двухъ надзирателей. На эти работы берутъ преимущественно каторжанъ, которымъ осталось недолго ждать освобожденія. Побѣга со стороны работающихъ администрація не опасается. И потому обязанности сопровождающихъ рабочую партію надзирателей сводятся только къ тому, чтобы слѣдить за непрерывностью и правильностью работы. Если проходящее мимо начальство случайно застанетъ арестантовъ за отдыхомъ, попадетъ, въ первую голову, наблюдающему за работами надзирателю. Поэтому, надзиратель долженъ изъ чувства самосохраненія требовать, чтобы арестанты все время трудились, или, по крайней мѣрѣ, добросовѣстно дѣлали видъ, будто трудятся. Вмѣсто требованія работы выдвигается требованіе симуляціи...

— Ты не шибко работай! Стараться не къ чему... А безъ дѣла не сиди! Хоть для виду ковыряйся.

Вскапываютъ, напр., поле. И арестантамъ и надзирателю рѣшительно безразлично, хорошо ли будетъ вскопана земля или плохо. Но надзиратель будетъ требовать, чтобъ арестанты не выпускали лопатъ изъ рукъ, тыкали лопатами въ землю, надавливали лопаты ногами и т. д., и т. д., вообще, чтобы все положенное время они «работали». Между тѣмъ, работать по-настоящему безъ перерывовъ невозможно, особенно для людей, отвыкшихъ отъ работы и ослаблен-

ныхъ продолжительнымъ содержаніемъ въ тюрьмѣ. Надзиратель, самъ вышедшій изъ крестьянъ-землепашцевъ, отлично это понимаетъ. И если бы арестанты вскапывали его поле, онъ не сталъ бы требовать отъ нихъ непрерывной симмуляціи вскапыванія, а положилъ бы имъ плату и предоставилъ бы имъ дѣлать «залоги» (перерывы), когда имъ вздумается.

Какъ разумный хозяинъ, онъ иначе не могъ бы поступить. Но здѣсь другое дѣло. Здѣсь работа казенная, т. е. никому ненужная. Нужно лишь провести на работѣ положенное время и не попасть при этомъ подъ замѣчаніе. Соотвѣтственно этому и работаютъ...

Нужно ли послѣ этого удивляться, что описываемыя хозяйственныя работы при сибирскихъ тюрьмахъ производятся весьма скверно и, несмотря на даровыя рабочія руки, оказываются, по большей части, убыточны для казны?

Съ этимъ явленіемъ нельзя справиться никакими репрессіями, никакими циркулярами о карцерѣ, розгахъ, наручникахъ и т. п. Всѣми этими мѣрами можно только изощрить пріемы симуляціи усердія въ работѣ,—не больше.

Никакими средствами нельзя сдѣлать даровой, безплатный трудъ цѣлесообразнымъ и интенсивнымъ, значитъ, пока трудъ каторжанъ не оплачивается, онъ необходимо будетъ убыточенъ для казны или, во всякомъ случаѣ—безполезенъ.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ соображеній и наблюденій едва ли необходимо оцѣнивать еще оплачиваемый и безплатный трудъ съ точки зрѣнія в о с п и т а т е л ь н а г о вліянія.

Работая за плату, каторжанинъ пріучался бы къ производительному труду. Работая безплатно, онъ пріучается только къ симуляціи усердія въ работѣ.

Вопросъ о высотѣ платы, выдаваемой на руки каторжанамъ за ихъ трудъ, тоже имѣетъ большое значеніе. Въ нашихъ тюрьмахъ каторжане получаютъ для свободнаго расходованья 10—40% зарабатываемыхъ ими денегъ. Но при этомъ и высота ихъ номинальнаго заработка (тамъ, гдѣ трудъ ихъ оплачивается) колеблется въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Иногда этотъ заработокъ исчисляется копейками. Иногда онъ довольно высокъ, но вполнѣ или въ значительной части поглощается всякими вычетами и штрафами.

И въ этой области не видно, такимъ образомъ, никакого единообразія, и здѣсь у тюремнаго вѣдомства нѣтъ никакого общаго руководящаго принципа. Между тѣмъ, наблюдая тюремныя работы вблизи, нельзя не замѣтить, что, по большей части, оплата труда работающихъ каторжанъ настолько низка, что совершенно теряетъ свой разумный смыслъ стимула въ трудѣ. Если расцѣнки намѣчены такъ, что при самомъ усердномъ трудѣ арестантъ не можетъ заработать въ мѣсяцъ больше 2—3 рублей, то такая плата совершенно безсмысленна. Ради нея трудиться человѣкъ не будетъ. И существуетъ ли подобная плата, или трудъ каторжанъ открыто признается не подлежащимъ вознагражденію, результатъ одинъ.

Непониманіе роли оплаты труда сказывается и въ другой особенности царящихъ въ каторжныхъ тюрьмахъ порядковъ: жалкая плата, заработанная каторжанами, выдается имъ, по большей части, не сразу, а съ задержкой въ нѣсколько мѣсяцевъ, иногда черезъ годъ послѣ выполненія работы. Зависитъ это отъ канцелярской волокиты и какого-то весьма мудренаго порядка отпуска суммъ и утвержденія счетовъ.

Но вѣдь перспектива получить черезъ годъ двугривенный на чай и на сахаръ не можетъ служить стимуломъ для интенсификаціи труда! А разъ задержанная плата утрачиваетъ это свое значеніе, она становится, вообще, абсурдомъ. Работы съ систематически задерживаемой платой по своему характеру и по своимъ результатамъ приближаются вполнѣ къ работамъ безплатнымъ.

Я нарочно останавливаюсь на этихъ мелочахъ, такъ какъ въ нихъ лучше всего проявляется полная безпомощность тюремнаго вѣдомства въ дѣлѣ организаціи работъ для каторжанъ. Полная безсистемность; отсутствіе хотя бы самаго смутнаго пониманія сущности затѣваемаго дѣла; погоня за дешевымъ внѣшнимъ эффектомъ, самоодурачиванье и одурачиванье публики; созданіе вмѣсто работъ каррикатуръ на работы; близорукое игнорированье существеннѣйшихъ условій успѣшнаго развитія работъ,—вотъ черты, характеризующія дѣятельность министерства юстиціи въ этой области.

Очевидецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гербовый сборъ по предпринимательскимъ дѣламъ въ крестьянскихъ установленіяхъ.

По положеніямъ о сельскомъ состояніи цѣлый рядъ сдѣлокъ, когда предметомъ ихъ является надѣльная земля и ея принадлежности и произведенія, совершается не иначе, какъ съ предварительнаго на то разрѣшенія мѣстныхъ установленій по крестьянскимъ дѣламъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и центральныхъ учрежденій. Таковы сдѣлки: а) о продажѣ надѣльной земли общинной, а также и подворной (общее полож. о крест. ст. 18 и 19 примѣч. изд. 1902 года); б) о правѣ на разработку нѣдръ въ надѣльныхъ земляхъ (ст. 16 примѣч. того же положенія); в) о продажѣ на срубъ лѣса изъ дополнительныхъ и подсѣчно-земельныхъ надѣловъ крестьянъ въ 4-хъ сѣверныхъ губерніяхъ (прил. къ ст. 652 уст. лѣсн. 1905 года).

Самые акты, въ которые облекаются эти сдѣлки, подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ на общемъ основаніи. Но такъ какъ совершенію ихъ всегда

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1912 г. **№ 13.** **Воскресенье 1 Апрѣля.**

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: профессора *В. М. Гессена, І. В. Гессена,* профессоровъ *А. А. Жижиленко* и *А. И. Каминка, В. Д. Набокова,* профессоровъ бар. *Б. Э. Нольде, М. Я. Пергамента* и *Л. І. Петражицкаго.*

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Вопросы уголовнаго права въ государственной думѣ третьяго созыва. **В. Станкевичъ.** 2) О каторгѣ. **Очевидецъ.** 3) „Ошибка“ при введеніи государственнаго налога съ недвижимыхъ имуществъ по закону 6 іюня 1910 г. **В. Владиславлевъ.** 4) Дѣйствія правительства: Собр. узак. и расп. правит. 5) Судебные отчеты: Правит. сенатъ: засѣд. гражд. кассац. департ. 7 марта. 6) Хроника. 7) Библіографія: В. М. Грибовскій. Государственное устройство и управленіе россійской имперіи. **Ник. Ленскій.** 8) Спб. юридическое общество. 9) Судебная и судебно-административная практика: Судебный деп. прав. сената. 10) Справочный отдѣлъ. 11) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой **7 руб.**, на полгода **4 руб.** Допускается разсрочка: при подпискѣ **4 р.** и къ первому мая **3 рубля.** За границу на годъ—**10 руб.** Отдѣльные номера продаются по **20 коп.**

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній—**50 к.**, въ остальныхъ случаяхъ—**20 к.**

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Вопросы уголовнаго права въ государственной думѣ третьяго созыва.

Съ весны 1906 года наряду съ существовавшими ранѣе государственными учрежденіями встали государственная дума и реформированный государственный совѣтъ, облеченные правами какъ законодательства, такъ и извѣстной степени надзора надъ управленіемъ страны. Событіе это, чрезвычайно важное для всѣхъ областей народной жизни, конечно, небезразлично и для криминалистовъ, которые уже на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ взываютъ къ законодательной власти о проведеніи необходимѣйшихъ въ ихъ области реформъ, и которые живѣйшимъ образомъ чувствуютъ всякое нестроеніе въ дѣлѣ отправленія карательнаго правосудія.

Первая и вторая дума не смогли высказаться съ достаточной опредѣленностью по вопросамъ уголовнаго права: лишь борьба со смертной казнью осталась для насъ памятной въ ихъ работахъ. Третьей думѣ удалось просуществовать полный срокъ своихъ полномочій; мирная и спокойная работа наладилась въ ней съ первыхъ же мѣсяцевъ жизни. Поэтому неудивительно, что въ толстыхъ томахъ стенографическихъ отчетовъ и въ объемистыхъ докладахъ комиссій мы находимъ довольно богатый матеріалъ для сужденія о томъ, какое вліяніе имѣли ея работы на постановку дѣла борьбы съ преступленіемъ въ Россіи. И этотъ матеріалъ уже такъ обширенъ, что можно говорить не только о томъ, что дума сдѣлала по тому или иному вопросу уголовнаго права, выдвинутому на очередь за послѣднія пять лѣтъ, но и объ ея отношеніи къ уголовному праву вообще, о характеристикѣ ея уголовныхъ и уголовно-политическихъ воззрѣній. И настоящее сообщеніе, не пытаясь оцѣнивать, что дума сдѣлала въ области мѣстнаго суда, условнаго осужденія, тѣхъ или иныхъ карательныхъ мѣръ и т. д., преслѣдуетъ задачу собрать тѣ, быть можетъ, иногда и мелкіе, черточки и факты, которые во всей своей совокупности характеризуютъ думу, какъ общій, постоянный факторъ, вліяющій на уголовное правосудіе въ Россіи. Правда, новизна дѣла для большинства депутатовъ третьей думы, сравнительно низкій уровень образовательнаго ценза ея членовъ, многообразіе и сложность тѣхъ вопросовъ, съ которыми ей пришлось столкнуться во всѣхъ областяхъ своихъ работъ, заставляютъ заранѣе быть скромнымъ въ ожида-

Изъ новыхъ идей, по которымъ высказывалась дума, слѣдуетъ отмѣтить вопросъ о судебной полиціи. При обсужденіи законопроекта о 87 сыскныхъ отдѣленіяхъ представители большинства высказывали надежду, что этотъ законопроектъ создастъ ячейку, изъ которой разовьется со временемъ институтъ судебной полиціи. Но они ничего не предприняли для того, чтобы эти надежды матеріализовались и такъ или иначе осуществились въ жизни.

Нельзя не отмѣтить тотъ довольно странный пріемъ, съ которымъ комиссія по судебнымъ реформамъ встрѣтила законопроектъ о допущеніи защиты на предварительномъ слѣдствіи: пріемъ этотъ былъ такой холодный, что министръ юстиціи поспѣшилъ взять законопроектъ обратно. Въ обзорѣ дѣятельности комиссій, однако, мы находимъ мотивы отрицательнаго отношенія комиссіи: ожиданіе замедленія слѣдствія, убѣжденіе, что законопроектъ будетъ выгоденъ только для недобросовѣстныхъ обвиняемыхъ и подпольныхъ адвокатовъ, что онъ ухудшитъ положеніе обыкновеннаго обвиняемаго, что онъ создастъ неравенство, такъ какъ нанять адвоката смогутъ только люди состоятельные, что сами слѣдователи перестанутъ заботиться о собираніи данныхъ, оправдывающихъ обвиняемаго...

Общее, далеко не нормальное положеніе дѣла уголовнаго правосудія не разъ обращало вниманіе думы. При обсужденіи законопроекта о допущеніи защиты при преданіи суду была принята формула, признающая

«необходимымъ поднять положеніе и званіе судебнаго слѣдователя, приравнявъ его къ положенію членовъ суда» [1]).

При обсужденіи смѣты министерства юстиціи на 1908 годъ была принята формула:

«Признавая важнѣйшимъ устоемъ нормальной дѣятельности судебныхъ установленій независимость и несмѣняемость судей, какъ главное условіе безпрепятственнаго отправленія правосудія, государственная дума считаетъ необходимымъ возстановленіе ихъ во всей неприкосновенности».

Но, въ общемъ, дума, вѣрная своей тактикѣ, и здѣсь проявила болѣе уступчивости и терпѣнія, чѣмъ настойчивости и рѣшимости. Такъ, наприм., въ послѣдней приведенной формулѣ, предложенной партіей к.-д., она исключила имѣвшееся въ ней указаніе на то, что «въ послѣднее время нерѣдко наблюдалось нарушеніе этихъ обязательныхъ гарантій нелицепріятнаго суда».

Половинчатость и нерѣшительность думы ярко проявилась и въ послѣднюю сессію при обсужденіи законопроекта о порядкѣ уголовной отвѣтственности за преступленія по службѣ. Законопроектъ этотъ ограничиваетъ вліяніе административной гарантіи, но не уничтожаетъ ее совсѣмъ, останавливаясь, такимъ образомъ, на полдорогѣ. Между тѣмъ изъ рѣчи докладчика мы узнаемъ, что и комиссія по судебнымъ реформамъ и самъ докладчикъ являются противниками административной гарантіи и твердо надѣятся, что настанетъ время, когда она будетъ совсѣмъ уничтожена. Принципіально высказалось противъ административной гарантіи и правительство въ лицѣ министра юстиціи. И все же комиссія предложила и дума согласилась на компромиссное, неполное рѣшеніе вопроса, даже не постаравшись выяснить, во имя чего или кого этотъ компромиссъ предлагался. Въ той же рѣчи докладчика мы находимъ только совершенно безсодержательное указаніе на то, что если бы дума встала на путь полной отмѣны административной гарантіи, то законопроектъ встрѣтилъ бы какія-то «непреодолимыя затрудненія, благодаря которымъ онъ не могъ бы пройти». И, право, нельзя отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что тутъ компромиссъ не имѣлъ никакихъ реальныхъ основаній и дума остановилась на полдорогѣ отнюдь не въ силу необходимости, а по привычкѣ, изъ органическаго отвращенія къ принципіальнымъ рѣшеніямъ въ области законодательства.

В. Станкевичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

[1]) 2, IV, 716.

О каторгѣ.

(*Окончаніе*) [1]).

III.

Министерство юстиціи, опираясь на всѣ пріобрѣтенія современнаго «научнаго» тюрьмовѣдѣнія, относится съ презрительнымъ высокомѣріемъ къ старой сибирской каторгѣ и старается очистить ее отъ уродующихъ ее пережитковъ старины. Я обрисовалъ уже, какъ вводитъ тюремное вѣдомство новыя усовершенствованья въ каторжную систему. Теперь передамъ нѣкоторые наиболѣе характерные моменты борьбы тюремной бюрократіи противъ архаическихъ порядковъ старой каторги.

Вредными пережитками въ сибирскихъ тюрьмахъ министерство юстиціи считаетъ не темные карцера, не цѣпи, не розги, а, прежде всего и главнымъ образомъ,—сохранившіяся въ Сибири каторжныя «рабочія команды».

Объ этомъ своеобразномъ учрежденіи знаютъ у насъ очень мало. Между тѣмъ, какъ самыя «рабочія команды», такъ и походъ, поднятый противъ нихъ тюремнымъ вѣдомствомъ, заслуживаютъ серьезнаго вниманія. И потому я считаю полезнымъ сообщить вкратцѣ то, что удалось

[1]) См. „Право“ № 11 и 12.

мнѣ узнать объ этомъ учрежденіи. О прошломъ «рабочихъ командъ» передамъ со словъ сибирскихъ старожиловъ, съ которыми мнѣ пришлось встрѣчаться, о нынѣшнемъ положеніи «командъ» сообщу по личнымъ наблюденіямъ (т. к. въ одной изъ такихъ «командъ» я провелъ больше года).

Пока въ Сибири особенно рѣзко ощущался недостатокъ рабочихъ рукъ, тюремному вѣдомству не приходилось придумывать и изыскивать способы занять каторжанъ производительнымъ трудомъ. На каторжанъ смотрѣли, какъ на необходимую для края рабочую силу, и эту рабочую силу употребляли на выполненіе тѣхъ работъ, въ которыхъ ощущалась надобность. Главнымъ образомъ, употребляли каторжанъ на разработку естественныхъ богатствъ края, — преимущественно, на казенныя и кабинетскія горныя работы. Къ этой чисто-хозяйственной задачѣ приноравливалось сибирское тюремное строительство. Гдѣ нужны были каторжане,—возлѣ рудника, возлѣ завода,—тамъ и строили острогъ. И величину острога приноравливали къ тому, сколько человѣкъ требуется для работы въ данномъ рудникѣ или заводѣ. Поэтому восточно-сибирская каторга распалась на множество самостоятельныхъ небольшихъ тюремъ, получившихъ свои названія отъ лежащихъ возлѣ нихъ рудниковъ и заводовъ.

Въ рудникахъ работали каторжане преимущественно большими партіями, подъ охраной воинскаго караула. Работали съ урока. И такъ какъ эти работы считались наиболѣе тяжелыми, то на нихъ посылали долгосрочныхъ каторжанъ. Сообразно съ этимъ съ работавшихъ въ рудникахъ каторжанъ не снимали оковъ, и за ними постоянно поддерживался самый строгій надзоръ.

Казенныя заводскія работы считались менѣе тяжелыми. На эти работы брали преимущественно каторжанъ съ короткими сроками. Здѣсь работали безъ кандаловъ и подъ сравнительно легкимъ надзоромъ. Работали съ урока и сдѣльно.

Но казенными работами поглощался не весь трудъ каторжанъ. И потому начальство охотно отпускало каторжанъ и на частныя работы, въ рудники и заводы частныхъ владѣльцевъ и т. д. Отпускали каторжанъ и на сельскохозяйственныя работы и на всевозможныя ремесленныя работы въ ближайшія села. На этихъ работахъ надзоръ былъ, естественно, еще слабѣе, чѣмъ на казенныхъ заводскихъ работахъ, и положеніе каторжанъ всего больше приближалось къ положенію вольныхъ рабочихъ (за исключеніемъ, разумѣется, отсутствія права передвиженія и вытекающей отсюда низкой оплаты труда).

Каторжане, работавшіе въ рудникахъ, на ночь запирались въ острогѣ. Въ острогѣ содержалась также и часть каторжанъ, употреблявшихся для казенныхъ заводскихъ работъ. Остальнымъ каторжанамъ разрѣшалось жить внѣ тюрьмы.

Имъ отводилась земля, отпускалось извѣстное количество лѣса, и они строили себѣ изъ этого лѣса хаты, въ которыхъ и жили, чаще всего, съ семьями. Такъ составлялись «вольныя команды» старой каторги.

Несмотря на слабость надзора за каторжанами въ «вольныхъ командахъ», побѣги изъ этихъ командъ случались сравнительно рѣдко. Дѣло въ томъ, что въ «вольныя команды» людей переводили съ извѣстнымъ разборомъ. А кромѣ того, отъ побѣга изъ команды каторжанъ удерживали тѣ огромныя опасности и трудности, съ которыми связано существованіе бѣглаго-бродяги, пока онъ не доберется до Урала. На эти опасности и трудности охотно шли люди, запертые въ клѣткахъ острога, за остроконечными палями. Но жизнь въ командахъ была не такъ отчаянно плоха, чтобы промѣнять ее безъ колебаній на скитанья бродяги.

Многимъ каторжанамъ удавалось за время проживанья въ командѣ скопить немного денегъ, такъ что послѣ выхода на поселеніе они могли обзавестись всѣмъ необходимымъ для веденія торговаго или промышленнаго дѣла. До сихъ поръ вы на каждомъ шагу встрѣчаете въ Сибири зажиточныхъ крестьянъ, торговцевъ и ремесленниковъ изъ бывшихъ каторжанъ. Разспросите ихъ о началѣ ихъ зажиточности, и почти каждый изъ нихъ начнетъ свой разсказъ съ того момента, какъ перевели его изъ централа въ «вольную команду».

Эти «вольныя команды» создались при сибирскихъ тюрьмахъ вполнѣ естественно, вслѣдствіе стремленія правительства использовать каторжанъ для колонизаціи Сибири и разработки ея естественныхъ богатствъ. Но впослѣдствіи положеніе о «вольныхъ командахъ» было регламентировано «уставомъ о ссыльныхъ»—въ ст. ст. 305—308. Установлено, прежде всего, черезъ какой срокъ послѣ суда могутъ быть выпускаемы каторжане на жительство внѣ острога. Вотъ табличка этихъ сроковъ:

Приговоренные къ каторгѣ на сроки:	Должны содержаться въ острогѣ въ продолженіе:
4 г.	2 л.
6 л.	2 »
8 »	2 » 6 мѣс.
10 »	3 » 6 »
12 »	3 » 6 »
15 »	4 »
20 »	6 »
25 » и выше.	7 »

Изъ этой таблички видно, что по «уст. о ссыльн.» каторжане должны отбывать въ острогѣ лишь меньшую часть срока и наказанія, а большая часть этого срока можетъ быть отбыта ими внѣ тюрьмы, въ «вольной командѣ»!

Правда, въ 305 ст. «уст. о ссыльн.» сказано нѣсколько глухо, что каторжане въ такіе то сроки «могутъ... получать дозволеніе жить не въ

острогѣ». Но другія мѣста «уст. о ссыльн.» ясно показываютъ, что это «могутъ» обуславливается исключительно лишь добропорядочностью поведенія каторжанина, и что сроки, перечисленные въ 305 ст., указываютъ не только право администраціи перевести каторжанина на жительство внѣ тюрьмы, но и ея обязанность сдѣлать это, если только каторжанинъ не лишенъ права на эту льготу за какія-либо провинности.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія 443 ст. «уст. о ссыльн.». Эта статья перечисляетъ наказанія, которымъ подвергаются каторжане «за маловажные преступленія и проступки» (т. е. за проступки, которые по общимъ законамъ влекутъ за собой наказаніе не свыше 1 г. тюрьмы, съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ). Въ качествѣ наказанія «для каторжныхъ отряда исправляющихся, содержимыхъ въ острогѣ» эта статья предусматриваетъ «продолженіе на время до одного года сроковъ, назначенныхъ въ статьѣ 305 для выпуска на жительство внѣ острога» (443, 4, а). «Для каторжныхъ отряда исправляющихся, выпущенныхъ на жительство внѣ острога» та же статья предусматриваетъ въ видѣ наказанія «переводъ въ острогъ въ отрядъ каторжныхъ исправляющихся на время до одного года» (443, 5).

Значитъ, по мысли «уст. о ссыльн.» переводъ на жительство внѣ тюрьмы долженъ былъ являться неслучайной или исключительной мѣрой, а общимъ правиломъ, отступленія отъ котораго возможны лишь въ опредѣленныхъ, ясно оговоренныхъ, случаяхъ.

Лишній годъ пребыванія въ острогѣ (вмѣсто «вольной команды») «уст. о ссыльн.» вполнѣ ясно разсматриваетъ, какъ особое наказаніе, превышающее по тяжести наказаніе тюрьмой до одного года («превышающее»—такъ какъ при замѣнѣ наказаній, установленныхъ общими законами, спеціальными наказаніями для каторжанъ «уст. о ссыльн.», постоянно повышаетъ суровость кары).

Все это неопровержимымъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что составители «уст. о ссыльн.» смотрѣли на «вольныя команды», не какъ на случайное видоизмѣненіе каторги, но какъ на учрежденіе вполнѣ естественное и заслуживающее сохраненія.

И такой взглядъ вполнѣ понятенъ.

Съ точки зрѣнія людей, отстаивающихъ каторгу, какъ видъ наказанія, каторга должна быть своего рода горниломъ очищенія, черезъ которое нужно провести преступника, чтобы сломить его злую волю, пріучить его къ дисциплинѣ и труду и сдѣлать изъ него человѣка, способнаго къ честной жизни въ обществѣ другихъ людей. И, повидимому, старая каторга съ ея «вольной командой», надѣлившая Сибирь множествомъ крестьянъ, ремесленниковъ и купцовъ, удовлетворяла этимъ требованіямъ въ несравненно большей степени, чѣмъ каторжная тюрьма, которая не допускала бы никакого улучшенія въ положеніи осужденнаго, не вводила бы его постепенно въ обычныя условія трудовой жизни, но до самаго послѣдняго часа цѣпко держала бы его въ своихъ каменныхъ объятіяхъ, и затѣмъ сразу выбрасывала бы его въ жизненный водоворотъ, выбрасывала его живымъ мертвецомъ съ разбитыми силами, съ разстроеннымъ здоровьемъ, съ парализованной волей...

И все же «вольныя команды» при сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ давно уже привлекли къ себѣ подозрительное вниманіе петербургской тюремной бюрократіи: въ этихъ командахъ осужденные жили слишкомъ ужъ вольно, и это нарушало какой-то государственный принципъ. Но какой именно? Отвѣтить на этотъ вопросъ нелегко.

Вѣрнѣе всего предположить, что, по мнѣнію тюремной бюрократіи, существованіе «вольныхъ командъ» ослабляло устрашающее значеніе каторги, какъ высшей мѣры наказанія.

Но если при этомъ имѣлось въ виду спеціальное устрашеніе (т. е. устрашеніе самого преступника и предупрежденіе новыхъ преступленій съ его стороны), то нужно имѣть въ виду, что каторга съ «вольными командами» давала не большій % рецидивистовъ, чѣмъ каторга безъ всякихъ командъ и даже простая тюрьма.

Если же имѣлось въ виду общее устрашеніе (т. е. устрашеніе всего общества и предупрежденіе распространенія преступности), то нужно вспомнить, какое представленіе о каторгѣ сложилось въ русскомъ обществѣ въ пору наивысшаго расцвѣта «вольныхъ командъ». Вѣдь не гостинницей считали у насъ каторгу, а могилой. На человѣка, ушедшаго на каторгу, сосланнаго въ дальнюю, суровую и загадочно страшную Сибирь, смотрѣли, какъ на человѣка, заживо погребеннаго... Едва ли кто будетъ утверждать, что этого было мало для общаго устрашающаго дѣйствія каторги!

Но какъ бы то ни было, петербургское начальство уже давно начало коситься на сибирскія «вольныя команды». И въ настоящее время эти команды частью совсѣмъ упразднены, частью замѣнены «рабочими командами».

Въ «рабочія команды» выпускаютъ исключительно лишь каторжанъ «внѣтюремнаго разряда», т. е. каторжанъ, которые по 305 ст. «уст. о ссыльн.» должны быть переведены на жительство внѣ тюрьмы. Но каторжане, выпущенные въ «рабочія команды», лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ живутъ въ собственныхъ избахъ: обыкновенно ихъ помѣщаютъ въ особыхъ тюремныхъ баракахъ съ рѣшетками въ окнахъ, съ замками на дверяхъ. Днемъ они исполняютъ всякія тюремныя хозяйственныя работы, на ночь ихъ запираютъ.

«Рабочія команды», такимъ образомъ, ужъ мало похожи на старыя «вольныя команды». Но

все же каторжанамъ живется здѣсь лучше, чѣмъ въ тюрьмѣ (хотя здѣсь приходится работать, а въ тюрьмѣ можно цѣлыми днями валяться на нарахъ, ничего не дѣлая). Лучше здѣсь уже тѣмъ, что не приходится дышать отравленнымъ воздухомъ тюремной камеры...

Поставлены «рабочія команды» при сибирскихъ тюрьмахъ, насколько мнѣ удалось замѣтить, крайне безтолково и нелѣпо. Такъ какъ трудъ арестантовъ не оплачивается, то работы исполняются кое-какъ, спустя рукава. На вольныя работы каторжанъ изъ «рабочей команды» не пускаютъ. Тюремныхъ хозяйственныхъ работъ не развиваютъ. По всему чувствуется, что существующія еще «рабочія команды» обречены на гибель и доживаютъ свои послѣдніе годы.

Представители главнаго тюремнаго управленія, посѣщая сибирскія тюрьмы, постоянно подчеркиваютъ, что въ Петербургѣ смотрятъ на «рабочія команды», какъ на смѣшное архаическое учрежденіе, противорѣчащее духу каторги; постоянно указываютъ, что эти команды въ ближайшемъ времени будутъ окончательно упразднены. М. б., этимъ и объясняется отчасти отмѣченное мною безалаберное и безхозяйственное веденіе этихъ командъ...

Съ упраздненіемъ существующихъ «рабочихъ командъ» окончательно будетъ вычеркнутъ изъ строя русской каторги «внѣтюремный разрядъ», которому, какъ я отмѣтилъ, составители нынѣ дѣйствующаго «уст. о ссыльн.» придавали огромное значеніе. Въ уничтоженіи этого «внѣтюремнаго разряда» министерство юстиціи видитъ одну изъ очередныхъ задачъ тюремной политики.

Между тѣмъ, не можетъ не бросаться въ глаза, что именно «внѣтюремный разрядъ» при каторгѣ, именно эти «рабочія команды» и, въ особенности, «вольныя команды» всего болѣе соотвѣтствуютъ требованіямъ современной пенитенціарной системы.

Въ самомъ дѣлѣ.

Встанемъ на точку зрѣнія современныхъ пенитенціаристовъ и будемъ разсуждать логически.

Каторга ни въ коемъ случаѣ не должна дѣлать изъ преступника моральнаго калѣку, неспособнаго въ дальнѣйшемъ къ самостоятельной трудовой жизни на волѣ. Но именно такой калѣка выработается изъ человѣка, если онъ проведетъ долгіе годы въ неизмѣнной обстановкѣ тюремнаго склепа, ничего не дѣлая, или работая подобно бездушному автомату подъ присмотромъ надзирателей. Человѣкъ, проведшій на каторгѣ долгіе годы въ такой обстановкѣ, выйдетъ на свободу не только съ разрушеннымъ физическимъ здоровьемъ, но и съ разслабленной волей. И переходъ отъ каторги къ свободѣ будетъ для него слишкомъ рѣзокъ. Девяносто шансовъ изъ ста говорятъ за то, что съ этимъ рѣзкимъ переходомъ разслабленная воля освобожденнаго преступника не справится. И болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ выйдетъ на свободу лишь на короткое время, а затѣмъ снова вернется въ тюрьму.

Но вѣдь не въ этомъ цѣль судей, которые послали на каторгу человѣка, признаннаго ими опаснымъ для общества!.. Таковъ, можетъ быть, печальный результатъ современной системы наказаній. Но официально, вынося свой приговоръ преступнику, судьи преслѣдуютъ иныя цѣли, иныя задачи.

Официально считается доказаннымъ предположеніе, что каторга можетъ и должна выпускать людей не искалѣченныхъ, но, напротивъ того, пріученныхъ къ дисциплинѣ и труду. Но для того, чтобы это предположеніе имѣло подъ собою хоть какую-нибудь почву, необходимо, прежде всего, устранить рѣзкій контрастъ, который испытываетъ арестантъ, переходя по отбытіи имъ наказанія изъ положенія буквальнаго автомата въ положеніе свободнаго человѣка.

Къ этому и былъ приноровленъ отчасти строй старой каторги. «Уст. о ссыльн.» предписываетъ зачислять всѣхъ поступающихъ на каторгу преступниковъ въ «отрядъ испытуемыхъ» и содержать ихъ съ особой строгостью, обязательно, въ острогѣ и въ кандалахъ (ст.ст. 285—286). Съ этого начинается наказаніе всякаго приговореннаго къ каторгѣ преступника.

Черезъ нѣкоторое время преступникъ, «подавшій надежду на исправленіе», переводится въ «отрядъ исправляющихся» (ст. 300). При этомъ преступникъ освобождается отъ оковъ и избавляется отъ многихъ ограниченій и строгостей тюремнаго режима (напр., получаетъ возможность работать безъ конвоя, только подъ надзоромъ мастеровыхъ или заводской стражи и т. д.) (ст. 302). При одобрительномъ поведеніи каждый каторжанинъ «отряда исправляющихся» получаетъ кромѣ того скидку 2-хъ мѣсяцевъ съ 1 г. (ст. 309).

«Уст. о ссыльн.» весьма рѣзко подчеркиваетъ различіе въ положеніи «испытуемыхъ» и «исправляющихся» каторжанъ и предписываетъ даже объявлять арестантамъ о перечисленіи ихъ изъ перваго разряда во второй въ присутствіи «приглашеннаго къ тому духовнаго лица», которое произноситъ при семъ случаѣ назидательно-торжественное слово (ст. 301). Впрочемъ, это предписаніе «уст. о ссыльн.» въ настоящее время не соблюдается. «Исправляющіеся» каторжане содержатся совершенно такъ же строго, какъ «испытуемые», и переходъ изъ одного разряда въ другой выражается только въ освобожденіи отъ кандаловъ.

Переводъ каторжанъ во «внѣтюремный разрядъ» является по «уст. о ссыльн.» уже второй ступенью смягченія суровости наказанія, второй ступенью приближенія осужденнаго къ условіямъ той жизни, въ которую предстоитъ ему вступить послѣ отбытія срока наказанія. Слѣдующей ступенью освобожденія преступника отъ гнета каторги является предоставленіе ему права постройки собственнаго дома и права вступленія въ бракъ (ст. 305).

Короче, «уст. о ссыльн.» и старая сибирская каторга постепенно освобождали преступника отъ тяжести наказанія. «Уст. о ссыльн.» и старая сибирская каторга принимали каждаго вновь осужденнаго преступника съ максимальной суровостью, но открывали передъ нимъ возможность переходить отъ худшаго положенія къ лучшему и возвращать себѣ постепенно блага свободы и семейной жизни,—при чемъ это постепенное улучшеніе положенія преступника обусловливалось исключительно лишь порядочнымъ его поведеніемъ. . . И, что особенно существенно, передъ каторжаниномъ открывалась возможность довольно быстраго и прочнаго улучшенія участи. Въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующей таблички.

Срокъ наказанія.	Пребываніе въ „отрядѣ испытуемыхъ".	Пребываніе въ острогѣ въ „отрядѣ исправляющихся".
4 г.	1 г.	1 г.
6 л.	1 „	1 „
8 „	1 „ 6 „	1 „
10 „	1 „ 6 „	2 „
12 „	1 „ 6 „	2 „
15 „	2 „	2 „
20 „	4 „	2 „
свыше 20 „	5 „	3 „

Значитъ, каторжанинъ 15-лѣтникъ черезъ 2 г. послѣ суда освобождался отъ оковъ, а еще черезъ 2 г. послѣ этого получалъ право жить внѣ острога. Каторжанинъ 8-лѣтникъ первую льготу получилъ черезъ $1^1/_2$ г. послѣ суда вторую льготу черезъ 1 г. послѣ первой!

Мнѣ самому странно, что мнѣ приходится чуть ли не дифирамбъ писать «уст. о ссыльн.» и старой каторгѣ. Но что же подѣлаешь, если нынѣшнее положеніе вещей на каторгѣ представляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ огромный шагъ назадъ по сравненію со старыми порядками каторги и по сравненію съ требованіями «уст. о ссыльн.»! Что подѣлаешь, если реформированье современной каторги министерствомъ юстиціи сводится къ вытравленію изъ нея послѣднихъ проблесковъ разумнаго и человѣчнаго отношенія къ преступнику!

Это одинъ изъ обычныхъ парадоксовъ русской жизни; въ старой каторгѣ, наряду съ невѣроятными жестокостями, съ ужасающими звѣрствами были проблески разумнаго и человѣчнаго отношенія къ осужденному, и на нихъ, именно, прежде всего обратило вниманіе министерство юстиціи, приступившее къ освобожденію каторги отъ «уродующихъ» ее архаическихъ пережитковъ.

Все плохое сохраняется, все хорошее уничтожается, искореняется.

Отмѣняется «внѣтюремный разрядъ». Результаты этой мѣры учесть нетрудно.

Прежде всего, эта мѣра во много разъ увеличиваетъ тяжесть наказанія, назначеннаго каждому каторжанину по приговору суда,—увеличиваетъ тяжесть этого наказанія совершенно незаконно, вопреки смыслу приговора, безъ всякой вины со стороны осужденныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ. NN приговоренъ, допустимъ, къ 15 годамъ каторги. При примѣненіи 305 ст. «уст. о ссыльн.» и 23 ст. «уг. ул.», его наказаніе (при одобрительномъ его поведеніи) должно протекать въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) NN долженъ отбыть 2 г. въ «отрядѣ испытуемыхъ», въ кандалахъ;

2) послѣ этого онъ долженъ пробыть 2 г. въ «отрядѣ исправляющихся»:

3) затѣмъ, 6 лѣтъ онъ долженъ провести во «внѣтюремномъ разрядѣ», внѣ острога, послѣ чего его водворяютъ на поселеніе.

Вмѣсто этого наказанія, назначеннаго NN судомъ, приговорившимъ его къ 15-лѣтней каторгѣ, его подвергаютъ иной карѣ:

1) 2 г. его удержатъ въ кандалахъ, въ «отрядѣ испытуемыхъ»;

2) затѣмъ, въ продолженіе 10 л. 10 мѣс. его держатъ въ острогѣ, въ «отрядѣ исправляющихся», послѣ чего его отсылаютъ на поселеніе.

Сопоставьте эти два наказанія, и ясно будетъ, что NN содержится въ острогѣ на 8 л. 10 мѣс. дольше того срока, въ теченіе котораго онъ долженъ былъ бы сидѣть въ тюрьмѣ по точному смыслу закона! Изъ этихъ 8 л. 10 мѣс. почти треть (2 г. 10 мѣс.) NN долженъ былъ бы провести уже на поселеніи, а двѣ трети (6 лѣтъ), правда, на каторгѣ, но во «внѣтюремномъ разрядѣ»! А законъ ясно указываетъ, что содержаніе въ острогѣ (вмѣсто «внѣтюремнаго разряда») можетъ быть назначено каторжанину только за особыя преступленія съ его стороны (443 ст. «уст. о ссыльн.»).

Какимъ вопіющимъ беззаконіемъ является такая замѣна одного наказанія другимъ! А основывается это беззаконіе на обычной ссылкѣ: неустроенность тюремъ, отсутствіе помѣщеній для каторжанъ «внѣтюремнаго разряда».

Говоря о «разъясненіи» 23 ст. «уг. ул.», я уже отмѣтилъ, что это «разъясненіе» приблизительно на $^1/_3$ увеличило продолжительность наказанія, назначеннаго каждому каторжанину судомъ. Изъ разобраннаго только что примѣра ясно, что фактически многихъ каторжанъ держать въ тюрьмѣ въ 3 раза дольше законнаго срока (15-лѣтній каторжанинъ по закону подлежитъ переводу на жительство внѣ тюрьмы черезъ 4 г. послѣ суда, а между тѣмъ содержится въ тюрьмѣ 12 л. 10 мѣс.).

Полная незакономѣрность этого усиленія наказанія «въ административномъ порядкѣ»—это одна сторона дѣла. Но другая сторона дѣла имѣетъ еще большее значеніе.

Старая каторга, какъ-никакъ, выпускала извѣстный % людей, пригодныхъ для трудовой жизни. Новая каторга, «подтянутая» петербургской бюрократіей и «освобожденная» отъ уста-

рѣвшаго «внѣтюремнаго разряда», будетъ выпускать сплошь калѣкъ, обреченныхъ на паразитическое существованіе, или людей, фатально становящихся рецидивистами.

Ради этого результата стоитъ нарушить и измѣнить законъ, усиливъ въ 3 раза тяжесть назначеннаго преступникамъ по суду наказанія!

Отмѣчу еще одну особенность. Во «внѣтюремный разрядъ» политическихъ каторжанъ въ настоящее время переводятъ крайне рѣдко (хотя произведенные въ этомъ направленіи «опыты» показали, что выпускаемые на честное слово политическіе каторжане свое слово держатъ, а въ качествѣ рабочихъ далеко превосходятъ каторжанъ другихъ разрядовъ). Политическіе «внѣтюремнымъ разрядомъ» почти не пользуются. Поэтому, уничтоженіе «внѣтюремнаго разряда» не является актомъ увеличенія репрессіи по отношенію къ политическимъ преступникамъ. Нѣтъ, это просто проявленіе «подтягиванья» каторги, «подтягиванья», не освѣщеннаго никакой разумной мыслью, никакой сознательной цѣлью...

Между тѣмъ, соблюденіе требованій закона относительно перевода каторжанъ на жительство внѣ тюрьмы сразу подвинуло бы впередъ и дѣло организаціи производительныхъ работъ для каторжанъ. Вѣдь ясно, что гораздо легче организовать работы для 10 тысячъ человѣкъ, живущихъ вольнымъ поселкомъ, чѣмъ поставить работы для 1 тысячи человѣкъ, запертыхъ въ тюремныхъ камерахъ, въ наглухо забитомъ централѣ.

Внѣ тюрьмы трудъ каторжанъ легко можно было бы организовать, хотя бы, по типу крестьянскаго труда. Вѣдь большинство каторжанъ — крестьяне. Земли, ждущей приложенія рабочихъ рукъ, въ Сибири сколько угодно. Инвентарь для развитія сельскохозяйственныхъ работъ (при отсутствіи необходимости экономить на рабочей силѣ) стоитъ гроши. Казалось бы, поэтому, что всѣ условія для развитія внѣтюремнаго земледѣльческаго труда каторжанъ—на-лицо...

А распространяться о значеніи такой мѣры съ правно-политической точки зрѣнія и съ точки зрѣнія возмѣщенія казнѣ расходовъ по содержанію тюремъ, распространяться о положительномъ значеніи этой мѣры я считаю излишнимъ.

Но, разумѣется, къ этой мѣрѣ министерство юстиціи не прибѣгнетъ. У него теперь другая задача. Оно обновляетъ каторгу, освобождая ее отъ архаическихъ пережитковъ. Въ виду роста преступности оно озабочено усиленіемъ суровости каторги. Гдѣ ужъ думать тутъ о требованіяхъ разумности и человѣчности!..

IV.

Въ заключеніе своихъ отрывочныхъ замѣтокъ о каторгѣ коснусь еще одного частнаго вопроса, вопроса о семейной жизни каторжанъ. Самъ по себѣ, этотъ вопросъ, б. м., не имѣетъ большого значенія. Но въ томъ, какой политики придерживается при рѣшеніи этого вопроса министерство юстиціи, поразительно ярко проявляется близорукость или полная слѣпота юристовъ-тюремщиковъ.

До недавняго, сравнительно, времени тюремное управленіе всячески поощряло каторжанъ къ семейной жизни. Проявлялось это во множествѣ мелочей.

Жена и дѣти приговореннаго къ каторгѣ преступника, пожелавшія слѣдовать за нимъ въ Сибирь, включались въ арестантскую партію и отправлялись въ Сибирь вмѣстѣ съ осужденнымъ отцомъ семейства. Ихъ не разлучали въ пути, старались не разлучать ихъ и на мѣстѣ, въ Сибири. Семейныхъ каторжанъ всего охотнѣе и всего быстрѣе выпускали на жительство внѣ тюрьмы. Имъ предоставляли возможность селиться вмѣстѣ съ семьей, и т. д., и т. д...

При такихъ условіяхъ семья каторжанина знала, что, слѣдуя за нимъ на каторгу, она не сдѣлается для него лишней обузой, но напротивъ того, значительно облегчитъ и смягчитъ его участь. И это заставляло многихъ женщинъ, мужья которыхъ были приговорены къ каторгѣ, идти вмѣстѣ съ ними въ Сибирь. Это было не простымъ самопожертвованьемъ во имя слѣпой вѣрности, но сознательнымъ подвигомъ ради облегченія горькой участи близкаго человѣка.

Не знаю, величіе ли этого подвига дѣйствовало на тюремныхъ дѣятелей, или они понимали, что съ семейными каторжанами легче имѣть дѣло, чѣмъ съ одинокими, или они руководствовались безсознательно установившейся привычкой,—но только старая практика поощряла семьи осужденныхъ каторжанъ слѣдовать за ними въ Сибирь.

Какъ я отмѣчалъ уже, большинство среди каторжанъ составляютъ «случайные» преступники, обладающіе всѣми характерными чертами средняго темнаго крестьянина. Типичными представительницами деревни были и жены, слѣдовавшія за этими преступниками на каторгу. И такое среднее крестьянское семейство, по отбытіи каторжаниномъ срока наказанія, легко осѣдало на сибирскую землю, легко приспособлялось къ мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ и пополняло собой земледѣльческое населеніе Сибири.

Во время пребыванія на каторгѣ, преступникъ, за которымъ послѣдовала въ Сибирь семья, представлялъ минимальную опасность въ смыслѣ побѣга. Послѣ освобожденія такой преступникъ представлялъ наименьшую опасность стать рецидивистомъ.

М. б., начальство замѣтило это, а м. б. оно руководствовалось какими-либо иными соображеніями, но только въ старой сибирской каторгѣ поощрялось вступленіе въ бракъ и тѣхъ каторжанъ, которые не оставили семьи въ Россіи. Достаточно было, чтобы каторжанинъ подыскалъ женщину, которая согласилась бы выдти за него замужъ,—и начальство охотно

выпускало его во «внѣтюремный разрядъ», выдавало ему лѣсъ для постройки и т. д.: заводись семьей, заводись хозяйствомъ!

Въ рамкахъ этого обычая, въ старой каторгѣ, при всей ея безчеловѣчности, разыгрывались порой трогательныя, иногда немного смѣшныя исторіи. Но нельзя не согласиться, что этотъ обычай шелъ навстрѣчу требованіямъ, которыя предъявляетъ къ каторгѣ «научное» тюрьмовѣдѣніе; этотъ обычай облегчалъ возвращеніе приговоренныхъ къ каторгѣ преступниковъ къ трудовой жизни на волѣ. Слѣдовательно, и это былъ проблескъ разумности и человѣчности въ дикихъ порядкахъ старой каторги.

Въ настоящее время тюремное вѣдомство усердно старается освободиться и отъ этого вреднаго пережитка.

Открыто запретить женамъ приговоренныхъ къ каторгѣ преступниковъ слѣдовать въ Сибирь за мужьями не рѣшаются. Это слишкомъ уже противорѣчило бы и установившимся въ обществѣ этическимъ принципамъ и религіозному ученію, признанному государственнымъ.

Женамъ и теперь разрѣшаютъ слѣдовать въ Сибирь за мужьями-каторжанами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ принимаются всѣ мѣры, чтобы сократить до минимума число женъ слѣдующихъ за каторжанами. Не знаю, насколько сознательны и предумышленны эти мѣры. Но вотъ, что пришлось мнѣ наблюдать.

Женщина, желающая послѣдовать въ Сибирь за осужденнымъ мужемъ, прежде всего, обращается за справками и указаніями къ начальнику тюрьмы, въ которой ея мужъ содержится. Затѣмъ, ей приходится обратиться съ прошеніемъ въ тюремную инспекцію или въ губернское правленіе. И въ конторѣ тюрьмы, и въ канцеляріи инспекціи, и въ губернскомъ правленіи ее всячески отговариваютъ отъ поѣздки въ Сибирь.

Жены случайныхъ преступниковъ почти всегда увѣрены въ томъ, что ихъ мужья осуждены несправедливо. Вотъ, чины тюремнаго вѣдомства и начинаютъ втолковывать имъ, что это невѣрно, что невинно осужденныхъ у насъ не бываетъ, что на каторгу посылаютъ лишь людей, окончательно закоренѣлыхъ въ преступленіи. Далѣе идутъ безконечныя рѣчи о томъ, что неразумно честной женщинѣ ѣхать на край свѣта вслѣдъ за негодяемъ, что лучше въ Россіи найти другого мужика, и т. д., и т. д.

На всѣ эти доводы бабы отвѣчаютъ обыкновенно воемъ. Подъ вліяніемъ этого воя тюремные ораторы становятся особенно краснорѣчивы. И часто въ конторѣ тюрьмы или въ помѣщеніи инспекціи разыгрываются сцены, представляющія грубую пародію на картину, зарисованную Некрасовымъ въ «Русскихъ женщинахъ».

— Да чего ты въ Сибири не видала? Тамъ ты съ голоду помрешь!—уговариваетъ бабу чиновникъ.

Баба, не переставая выть, резонно возражаетъ:

— А здѣсь, нешто, не помрешь?—Все одно, ѣсть нечего... Тамъ хоть вмѣстяхъ...

— Здѣсь хоть добрые люди тебѣ помогутъ. А тамъ, знаешь, какія мѣста?

— Люди и тамъ есть...

— Да ты, дура, видно, и не слыхала, что такое Сибирь!

И начинается краснорѣчивое, полное нелѣпыхъ преувеличеній описаніе сибирской зимы, сибирскихъ нравовъ, положенія сибирской каторги и т. д., и т. д.

М. б., г.г. тюремные инспектора и начальники тюремъ, отговаривая женъ каторжанъ отъ поѣздки въ Сибирь, руководствуются самыми лучшими, самыми гуманными мотивами и заботятся лишь о томъ, чтобы оградить несчастныхъ женщинъ отъ ожидающихъ ихъ лишеній и мукъ. И если они невѣрно изображаютъ условія жизни въ Сибири, то, м. б., это зависитъ только отъ того, что имъ самимъ, какъ очень многимъ представителямъ нашего интеллигентнаго общества, Сибирь до сихъ поръ представляется страной вѣчныхъ льдовъ и самоѣдовъ...

Но начальникъ тюрьмы въ Россіи увѣрялъ меня, что имѣется секретный циркуляръ главнаго тюремнаго управленія, обязывающій чиновъ тюремнаго вѣдомства, по мѣрѣ силъ и возможности, отговаривать женъ-каторжанъ отъ слѣдованья за мужьями въ Сибирь. Т. к. самъ я этого циркуляра не читалъ, то существованіе его я оставляю на совѣсти этого начальника тюрьмы. Но, по циркуляру, или помимо циркуляра, чины тюремнаго вѣдомства, начиная съ отговариванья женщинъ отъ слѣдованья за мужьями въ Сибирь, затѣмъ чинятъ имъ и болѣе существенныя препятствія. Иногда заставляютъ женщинъ «арестовываться» задолго до отправки партіи. Иногда недѣлями и мѣсяцами задерживаютъ ихъ въ пересыльныхъ тюрьмахъ. Часто заставляютъ ихъ слѣдовать въ Сибирь отдѣльно отъ мужей—въ другомъ вагонѣ, а то и совсѣмъ въ другой партіи.

Измѣнилось и отношеніе къ семейной жизни каторжанъ со стороны администраціи сибирскихъ тюремъ. Семейныхъ каторжанъ такъ же держатъ въ острогѣ, какъ и несемейныхъ. Послѣдовавшимъ въ Сибирь женамъ даютъ свиданья съ мужьями въ невозможной обстановкѣ, черезъ двѣ рѣшетки.

Даже каторжанамъ, выпущеннымъ изъ тюрьмы въ «рабочія команды», не разрѣшаютъ теперь жить съ семьей. Мужъ живетъ въ общемъ баракѣ. Жена съ дѣтьми живетъ въ селѣ. Видѣться имъ можно только урывками. И даже самыя краткія свиданія между ними администрація старается поставить подъ строгій надзоръ.

О нормальной семейной жизни, которая предусмотрѣна «уст. о ссыльн.» и разрѣшалась при старыхъ порядкахъ, теперь каторжане и мечтать не могутъ. И семьи, слѣдующія за ними въ Сибирь, при нынѣшнихъ условіяхъ часто при-

носятъ имъ больше огорченій и униженій, чѣмъ радости.

М. б., это соотвѣтствуетъ видамъ тюремнаго вѣдомства, поскольку оно озабочено «подтягиваніемъ» каторги. Разрѣшить преступнику жить съ семьей можетъ представляться подтягивателямъ верхомъ распущенности и баловства.

Но что сказать о томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ оказываются при новомъ курсѣ жены каторжанъ, послѣдовавшія за своими мужьями въ Сибирь?

Имъ предоставляется устраиваться, какъ онѣ знаютъ, или селиться вмѣстѣ съ дѣтьми въ особомъ «семейномъ баракѣ». Такъ живутъ онѣ, отрѣзанныя отъ людей, за которыми послѣдовали за тысячи верстъ, безъ всякой матеріальной или моральной поддержки, среди чужихъ, враждебно настроенныхъ людей. Большинство испытываетъ при этомъ отчаянную нужду.

Результаты этой системы получаются весьма печальные. Многія женщины, послѣдовавшія за мужьями въ Сибирь, здѣсь оказываются вынуждены ради поддержки своего существованія обратиться къ единственному доступному имъ промыслу,—къ проституціи. Этимъ разрѣшается, между прочимъ, вопросъ о специфическомъ продовольствіи мѣстной конвойной команды...

Не о нуждахъ ли конвойныхъ командъ и заботится тюремное вѣдомство, запрещая женамъ, послѣдовавшимъ въ Сибирь за осужденными, жить вмѣстѣ съ мужьями? Позорно допустить подобную мысль. Но все же, если бы тюремное вѣдомство руководствовалось хоть подобной мыслью, въ его политикѣ можно было бы уловить намекъ на извѣстную «цѣлесообразность». А если отбросить эту мысль, что останется?

Подтягиваютъ каторгу, изыскиваютъ средства отягчить кару преступникамъ, усилить наказаніе, назначенное имъ по суду. Во имя этой цѣли удлиняютъ въ нѣсколько разъ срокъ содержанія осужденныхъ въ острогѣ. Во имя этой цѣли уничтожаютъ тѣ учрежденія старой каторги, которыя создавали для преступниковъ возможность возвращенія къ трудовой жизни. Во имя этой цѣли вытравляютъ изъ каторги послѣдніе проблески разумнаго отношенія къ осужденнымъ. Во имя этой цѣли не останавливаются ни передъ грубымъ нарушеніемъ закона, ни передъ страданіями невинныхъ людей, послѣдовавшихъ въ Сибирь добровольно...

Тяжелая это картина, безобразная картина.

И напрасно стараются скрыть ее изящными тюремными павильонами на безчисленныхъ выставкахъ...

Очевидецъ.

«Ошибки» при введеніи государств. налога съ недвижимыхъ имуществъ по закону 6 іюня 1910 г.

Въ газетахъ то и дѣло появляются извѣстія о протестахъ городскихъ самоуправленій противъ высоты % обложенія государственнымъ налогомъ недвижимыхъ имуществъ. При всей справедливости этихъ жалобъ, надо признать, что тяжесть обложенія значительно выросла еще отъ закрытія для многихъ плательщиковъ возможности выразить протестъ на оцѣнку, вслѣдствіе чрезвычайно страннаго толкованія сроковъ мѣстными исполнителями закона.

По закону 6 іюня 1910 г. (ст. 34 и 39), срокъ для возраженій, подаваемыхъ въ первую инстанцію, именно въ городскія присутствія, долженъ истекать черезъ мѣсяцъ послѣ увѣдомленія объ окончаніи разсылки извѣщеній плательщикамъ. Между тѣмъ городскія присутствія г. Нижняго-Новгорода окончаніемъ разсылки извѣщеній сочли моментъ врученія пачекъ извѣщеній въ полицейскія части, т. е., собственно говоря, начало разсылки, потому что послѣ этого врученія проходятъ очень длинные промежутки времени до врученія ихъ плательщикамъ. Предсѣдатели присутствій сдѣлали эту ошибку по инерціи. Всѣ они въ то же время являются предсѣдателями раскладочныхъ присутствій, и въ качествѣ таковыхъ цѣлый десятокъ лѣтъ исчисляли мѣсячный срокъ для возраженій по раскладочному сбору съ момента публикаціи о передачѣ извѣщеній полиціи. Ст. 136 положенія о промысловомъ налогѣ въ качествѣ начала истеченія срока упоминаетъ просто публикацію о «времени разсылки извѣщеній». Это туманное выраженіе дало право министру финансовъ истолковать срокъ въ смыслѣ удобномъ для технической стороны дѣятельности присутствій, т. е. въ смыслѣ «врученія полиціи». Но въ новомъ законѣ по налогу съ недвижимыхъ имуществъ въ прежнюю формулу вставлено одно слово. Тамъ сказано: «со дня окончанія разсылки извѣщеній плательщикамъ». Докладная записка министра финансовъ законодательнымъ учрежденіямъ еще яснѣе имѣетъ въ виду этотъ моментъ. Она говоритъ: «Въ теченіе мѣсячнаго срока со дня врученія извѣщенія о размѣрѣ налога плательщикамъ слѣдуетъ предоставить право подавать въ городское присутствіе свои возраженія на неправильное исчисленіе оклада». Точно также инструкція министра финансовъ не суживаетъ правъ плательщиковъ, и то ограниченіе ихъ, которое явилось на практикѣ по отношенію къ нижегородской губерніи и нѣкоторымъ другимъ (напримѣръ, кажется, владимірской) было плодомъ личной инициативы мѣстныхъ учрежденій.

Г.г. податные инспектора указываютъ, что если бы срокъ исчислялся со времени оповѣщенія объ окончаніи врученія извѣщеній плательщикамъ, то онъ растянулся бы на цѣлый годъ, такъ какъ многіе домовладѣльцы находятся въ отлучкѣ въ далекихъ мѣстахъ, адреса ихъ неизвѣстны и пр. Но вѣдь такіе случаи являются исключеніемъ. Обо всѣхъ